

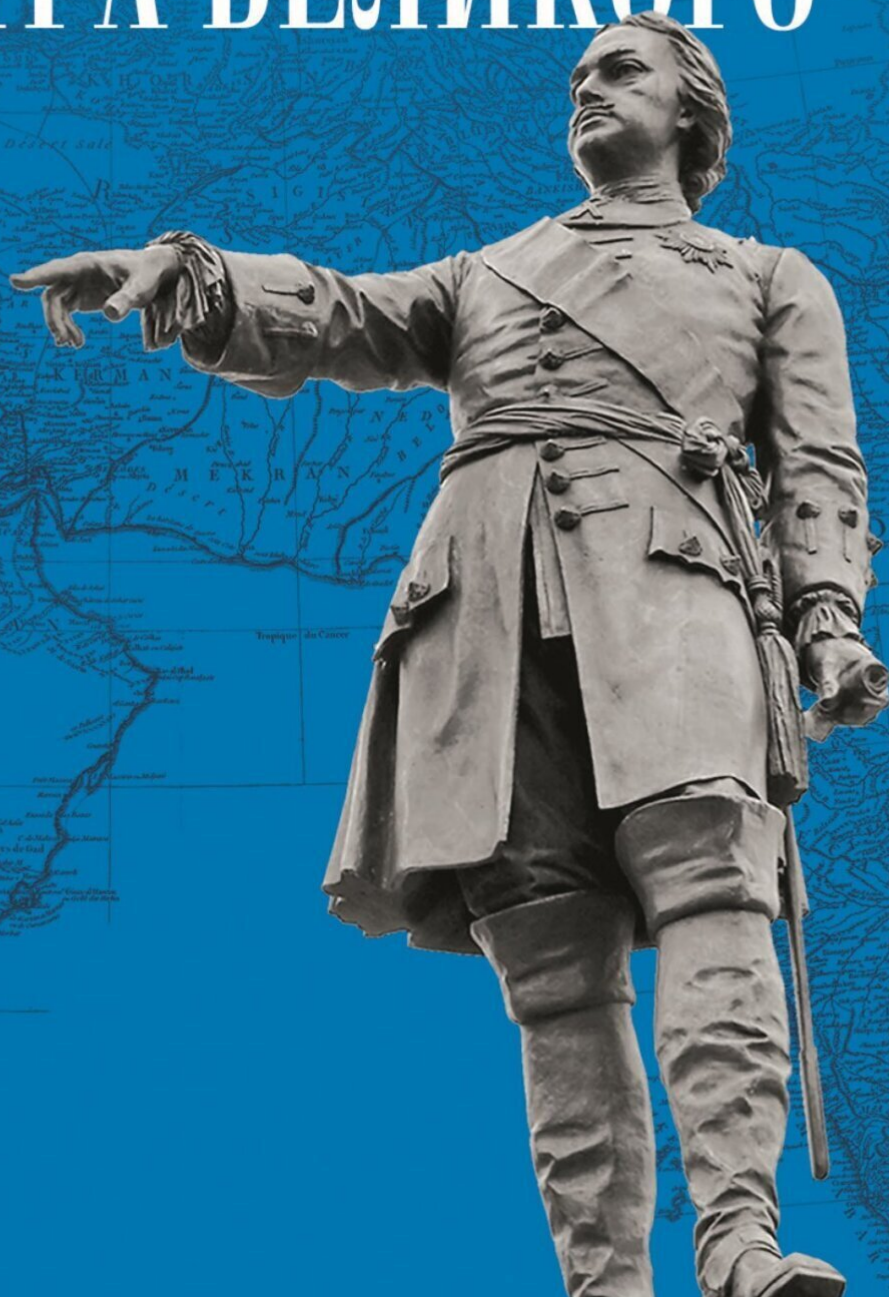
БОЛЬШАЯ ИГРА

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ • РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

ВЛАДИМИР ШИГИН

ЗАВЕЩАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Большая Игра

Владимир Шигин

Завещание Петра Великого

«ВЕЧЕ»

2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

Шигин В. В.

Завещание Петра Великого / В. В. Шигин — «ВЕЧЕ»,
2022 — (Большая Игра)

ISBN 978-5-4484-8830-6

Большая Игра – именно так называли политики минувших эпох стратегическое противостояние России и Англии в Средней Азии в XVIII–XIX веках. Для России пролог этой Игры начался с проекта царя Петра I о расширении наших владений и установлении прямых контактов с неведомой полусказочной Индией. Это было время первых походов русской армии на Восток, время первых поражений и первых успехов. Именно тогда Петр провидчески определил весь будущий восточный вектор российской политики. Это было вовсе не то ложное «Завещание Петра Великого», которое вот уже более двух столетий тиражирует Запад. Это было реальное завещание упрочения восточных границ, взаимовыгодной торговли, экономического развития дальних окраин. Исполняя волю Петра I, от границ державы в неведомые степи, горы, моря и пустыни двинулись генералы и офицеры, солдаты и казаки, чтобы проторить путь на Восток.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-4484-8830-6

© Шигин В. В., 2022
© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

От издательства	6
Большая Игра и ее бесконечное движение по кругу времени	7
Преуведомление к пытливому читателю	10
Предисловие	13
Часть первая	16
Глава первая	16
Глава вторая	26
Глава третья	31
Глава четвертая	37
Глава пятая	49
Глава шестая	55
Глава седьмая	59
Глава восьмая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Владимир Виленович Шигин

Завещание Петра Великого

© Шигин В.В., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

От издательства

Издательство «Вече» представляет читателям первую книгу «Завещание Петра Великого» историко-литературного проекта «Большая Игра» известного российского писателя-историка Владимира Шигина.

Данный проект посвящен геополитическому соперничеству между Российской империей и Англией за господство в Закавказье, Южной и Центральной Азии в XVIII – начале XX века.

Серия «Большая Игра» включает в себя шесть романов, связанных одной общей темой, но охватывающих разные периоды противостояния России и Англии: «Завещание Петра Великого», «Кавказский дебют. От Екатерины до Павла», «Персидский гамбит. Генералы и дипломаты», «Битва за степь. От неудач к победам», «Битва за пустыню. От Коканда до Хивы», «Битва за Памир. Последние герои».

Начиная с Петра I, Россия стремилась обезопасить свои восточные границы, ее интересы столкнулись с интересами Англии, которая, колонизировав Индию, боялась проникновения России к границам своей колонии. Это и определило почти двухсотлетнее соперничество, получившее название «Большая Игра». Противостояние двух сильнейших мировых держав в Закавказье и в Азии характеризовалось острой дипломатической борьбой, активной разведывательной деятельностью, военным и экономическим противостоянием.

К сожалению, «Большая Игра» не закончилась в начале XX века, как на то надеялись военные и политики того времени. Глобальная «Большая Игра» не кончается вот уже более трехсот лет. Более того, ее зона постоянно расширяется и в нее втягиваются все новые и новые государства.

Сегодня мы являемся свидетелями нового глобального противостояния современной России с «западным миром», возглавляемым Англией и США – это ни что иное, как продолжение все той же «Большой Игры», но уже в значительно больших масштабах.

Именно поэтому современному российскому читателю будет интересно узнать о том, как зарождалось и проходило данное глобальное противостояние в минувшие века, что общего в классической и сегодняшней «Большой Игре», какие политические и военные уроки нам следует извлечь из истории русско-английского противостояния XVIII – начала XX века.

Большая Игра и ее бесконечное движение по кругу времени

Книгой, которую вы держите в руках, известный писатель-историк Владимир Виленович Шигин открывает свой новый историко-литературный проект «Большая Игра», посвященный геополитическому соперничеству между Российской империей и Англией за господство в Закавказье, Южной и Центральной Азии в XVIII – начале XX века.

По мере того как, начиная с Петра I, Россия стремилась обезопасить свои восточные границы и наладить торговлю с Индией, ее интересы столкнулись с интересами Англии, которая боялась не только проникновения России к границам своей колонии, но и её доминирования в Центральной Азии. Впрочем, дело было не только в этом – две империи на протяжении веков конкурировали и в других «зонах своих жизненно важных интересов» – от Мальты до Ближнего Востока, в Китае и на Дальнем Востоке...

Это противостояние и обусловило уж скоро как трёхсотлетнее соперничество, получившее название «Большая Игра», проблематика которой ярко и разносторонне продолжает разрабатываться целым рядом исследователей. Периодически к учёным мужам и политическим практикам подключаются литераторы и кинематографисты, чутко держащие нос по курсу политических, точнее геополитических, ветров. И этот процесс будет длиться как минимум в обозримом будущем – на протяжении XXI века. К примеру нам слова Редьярда Киплинга: «Когда все умрут, тогда только кончится Большая Игра», демонстрируя верность принципа хода и развития Истории по спирали. Она, как пони в цирке, непрерывно скачет по Большому кругу Времени, играя в разные «игры».

Россия и Британия пересекались и сталкивались в реализации своих интересов в различных точках планеты, при этом наша страна никогда не вторгалась на землю собственной метрополии. Однако британцы перманентно «щупают» наши географические бока и «берут на испуг». Происходит это и сегодня, что кого-то это, как ни странно, удивляет. И удивление это основано, извините, на элементарном невежестве, особенно у представителей не только молодого поколения, но и у людей среднего возраста, не страдающих избытком общих знаний из сфер истории, географии и литературной классики.

Противостояние двух мировых держав, особенно в Закавказье, в Передней, Средней и Центральной Азии, характеризовавшееся острой дипломатической борьбой, активной разведывательной деятельностью, военным и экономическим соперничеством, продолжается и сегодня. По сути, правда, уже в ином формате и проявлениях реанимируются идеи и послы «Восточного вопроса». Англичанка нынче, как и раньше, или явно и открыто гадит, или бдительно зрит и «кукловодит» из-за кулис. Сомневаетесь в этом?

Не сомневайтесь. И, как представляется, развеять сомнения, понять и прочувствовать движение Истории и позволяет масштабный историко-литературный проект, реализуемый ведущим писателем-маринистом, секретарём Союза писателей России капитаном 1-го ранга Владимиром Шигиным.

На эту тему, конечно, писали отечественные авторы. Однако В.В. Шигин впервые в России взялся за решение столь сложной задачи. Дело в том, что до настоящего времени существует лишь художественно-публицистические произведения, посвященные отдельным эпизодам этого эпического противостояния. Однако единого литературного полотна – произведения, в котором бы описывалась вся история классической «Большой Игры» с момента ее зарождения до окончания (скажем так, формально-официально признанного), в отечественной (да и в мировой) литературе не существует.

Учитывая масштабность темы, автор определил жанр своей работы как геополитический роман. Об объеме работы, проделанной автором по проекту «Большая Игра», говорит тот факт, что на изучение исторических материалов у него ушло почти двадцать пять лет, а список использованных документов, научных работ и мемуаров превысил шестьсот наименований.

К сожалению, «Большая Игра» не закончилась в начале XX века, как на то надеялись военные и политики того времени. Более того, ее зона постоянно расширяется, и в нее втягиваются все новые и новые государства. Сегодня мы являемся свидетелями нового глобального противостояния современной России с «Коллективным Западом», возглавляемым Великобританией и США, – это не что иное, как продолжение все той же «Большой Игры», но уже в значительно больших масштабах. Особенно с учётом того, что «Путинская Россия» с возвращением Крыма, а сейчас и с ведением Специальной военной операции на Украине, активными действиями в Сирии и других регионах вернула себе статус Великой державы, основанный не только на обладании ядерным оружием.

Именно поэтому современному российскому читателю будет интересно узнать о том, как зарождалось и проходило данное глобальное противостояние в минувшие века, что общего в «классической» и сегодняшней «Большой Игре», какие политические и военные уроки нам следует извлечь из истории русско-английского противостояния XVIII – начала XX века.

Следует отметить: автор основательно и всесторонне подошел к определению сюжетной линии повествования и формированию структуры своего историко-литературного проекта. Серия «Большая Игра» включает в себя шесть исторических романов-хроник, связанных одной общей темой, но охватывающих разные периоды противостояния России и Англии.

Первая книга – «Завещание Петра Великого» – посвящена предыстории «Большой Игры», точнее, её началу. Она охватывает исторический период правления Петра I. В книге описывается история зарождения идеи государя о движении России на Восток, установлении контактов с восточными ханствами и торговле с Индией. Автор подробно описывает трагическую экспедицию князя Бекович-Черкасского в Хиву, экспедицию полковника Бухгольца на Верхний Енисей и столкновение с джунгарами, малоизвестный Персидский поход Петра I в 1822 году и присоединение к России персидских прикаспийских провинций. Отдельная часть книги посвящена началу английской экспансии в Индии, противостоянию там англичан с французами и захвату англичанами южноиндийского побережья.

Книга вторая – «Кавказский дебют. От Екатерины до Павла» – охватывает исторический период правления императрицы Екатерины II и императора Павла I. В книге описаны обстоятельства спасения Россией Грузии от персидского геноцида и ее вхождение в состав империи, российские экспедиции в Закавказье в правление Екатерины II, попытка императора Павла создать антианглийский союз с Наполеоном и поход донских казаков в Индию в 1800 году. Отдельная часть книги посвящена дальнейшему завоеванию Англией Индии, в частности англо-майсурским войнам.

Третья книга – «Персидский гамбит. Генералы и дипломаты» – описывает исторический период правления императора Александра I. Книга посвящена русско-персидским и русско-турецким войнам начала XIX века в Закавказье, присоединению к России азербайджанских ханств, деятельности генералов Ермолова и Паскевича, подвигам генерала Котляревского, тайнам гибели поэта и дипломата Грибоедова. Отдельная часть книги описывает одновременный захват Англией северных индийских княжеств и выход к границам Афганистана.

Книга четвертая – «Битва за степь. От неудач к победам». Повествование охватывает исторический период правления императора Николая I. Книга посвящена первой экспедиции в казахские степи генерала Перовского, боевым действиям Крымской войны на Кавказе, противостоянию русских и английских разведчиков в среднеазиатских ханствах. Отдельная часть книги связана с англо-афганскими войнами и попытками Англии прорваться в Среднюю Азию, а также с захватом Бирмы.

Книга пятая – «Битва за пустыню. От Коканда до Хивы». В ней описывается исторический период правления императора Александра II. Она посвящена покорению Русской армией Бухары, Коканда и Хивы и выходу к предгорьям Афганистана. Среди героев книги генералы Кауфман и Скобелев, Черняев и Романовский. В ней описывается активное противостояние русской и английской разведок и дипломатии. Отдельная часть книги посвящена антианглийскому восстанию сипаев в Индии, провоцированию Англией опиумных войн в Китае.

Завершает историческое полотно шестая книга – «Битва за Памир. Последние герои». Этот том охватывает исторический период правления от императора Александра III до Николая II. Книга посвящена заключительному этапу «Большой Игры», сражению русского отряда генерала Комарова с англо-афганской армией при Кушке, противостоянию российских и английских разведчиков на Памире (в их числе будущие известные генералы Корнилов и Маннергейм), разведывательным экспедициям Пржевальского, окончательному разделу зон политического влияния России и Англии в Средней и Центральной Азии, окончанию классического периода «Большой Игры».

Думается, такое структурирование масштабного повествования представит вдумчивому, заинтересованному читателю наиболее полную картину противостояния России и Великобритании в «южном подбрюшье» нашего Отечества, по периметру его естественных границ. И не только. Ведь описываемые территории ещё недавно входили в состав Советского Союза. В принципе, СССР решал во многом схожие с Российской империей геополитические задачи, актуализация которых происходит сегодня.

Наверное, нет смысла особо прогнозировать, но вместе с тем следует отметить: новый проект Владимира Шигина привлечет внимание не только любителей исторического романа, но и представителей научных кругов, исследователей, политиков, экспертов. Выход «Большой Игры» происходит, что называется, вовремя. Да и заранее, ещё до знакомства с книгами, понятно: проект носит прикладное, практическое значение. Ведь, несмотря на то что нынче Время сжимается, как пружина, невозможно его нить прервать. Как и разорвать связь поколений наших соотечественников. На самом деле наши славные пращурсы всегда рядом с нами – в наших мыслях, планах и делах. Именно потому Институт стран СНГ в городе Севастополе и поддерживает проект «Большой Игры» нашего друга и единомышленника, настоящего севастопольца Владимира Виленовича Шигина.

С уважением и наилучшими пожеланиями,

Сергей ГОРБАЧЕВ,

исполнительный директор Института стран СНГ в городе Севастополе, председатель Союза журналистов Севастополя, учёный секретарь Военно-научного общества Черноморского флота, капитан 1-го ранга

*Памяти моего учителя Валерия Николаевича Ганичева,
открывшего мне путь в русскую литературу, посвящаю.*

Автор

*Когда все умрут, тогда только кончится Большая Игра...
Редъяр Киплинг*

Преупреждение к пытливному читателю

Большая Игра – именно так называли политики минувших эпох стратегическое противостояние России и Англии в Средней Азии в XVIII–XIX веках.

Почему-то сегодня принято считать, что Большая Игра – это только и именно противостояние России и Англии на пороге Индии за влияние, причем именно в данном географическом регионе. Да, в центре Большой Игры всегда находилась именно Индия с ее фантастическими богатствами. Однако в реальности Большая Игра (как долговременное стратегическое противостояние) никогда не ограничивалась интересами лишь одной Индии, а включала в свою орбиту Афганистан, Иран, Закавказье и практически всю Среднюю Азию до Памира включительно. Причем эти страны втягивались в Большую Игру на разных ее этапах не как индийские периферии, а как самостоятельные игроки. На разных этапах Большой Игры менялись не только регионы, за которые происходила эта геополитическая схватка, но и игроки. Так, первыми игроками Большой Игры по праву следует считать первопроходцев колониального захвата – португальцев. Именно они, будучи первыми, захватили господствующие торговые позиции в Индии, стремясь не допустить больше туда никого. Но ничто не вечно, и спустя некоторое время португальцев начисто переиграли голландцы. Впрочем, и их первенство в Большой Игре продолжалось недолго, так как вскоре в нее вступили французы с англичанами. Их противостояние в Индии, а следовательно, и в Большой Игре продолжилось до конца XVIII века. Победу на этом этапе одержала Англия, низведя присутствие своего противника в Индии до положения жалкого пария. Но и это торжество продолжалось недолго. Уже с начала XVIII века определилось стратегическое движение на Восток стремительно набирающей мощь России. При этом Индия, в отличие от всех других игроков Большой Игры, не являлась для России самоцелью: империя просто расширяла свои границы в юго-восточном направлении и Индия на определенном этапе неизбежно вошла в орбиту интересов Петербурга.

Прошу прощения за невольную тавтологию, но, по большому счету, Большая Игра – это история нескончаемого колониального передела мира. Поэтому знаменитая фраза английского поэта и писателя Р. Киплинга (кстати, автора самого термина «Большая Игра») о том, что Большая Игра прекратится только тогда, когда все умрут, в данном аспекте имеет куда более глубокий смысл, чем тот, которым традиционно пытаются ее объяснить. Смысл афоризма Киплинга как раз и состоит в том, что Большая Игра бесконечна и не кончится никогда, пока существуют бедные и богатые страны и пока, самое главное, идет борьба за сферы влияния.

Кончилась ли Большая Игра в 80-х годах XIX века, как утверждает ряд историков? Нисколько! Да, она несколько видоизменилась, как сегодня говорят, реформатировалась, но продолжилась, причем с еще большим ожесточением и в значительно большем масштабе. Большая Игра сегодня в самом разгаре, и все мы с вами являемся ее свидетелями и невольными участниками. Да, ныне изменился расклад сил, но не изменились геополитические интересы. Наряду с противостоящими в XIX веке Россией и Англией сегодня в Большой Игре активно участвуют США и Китай, Иран и Индия.

Далеко не секрет, что сегодня в Центральной Азии идет напряженная борьба за влияние между расположенными вне этого региона великими державами, соперничающими в стремлении заполнить политический и экономический вакуум. Политические аналитики и журналисты уже называют это Новой Большой Игрой. Ведь ни для кого не секрет, что Центральная Азия располагает фантастическими запасами нефти и природного газа, золотом, серебром, медью, цинком, свинцом, железной рудой, углем и хлопком.

Сегодняшние события в Закавказье и Афганистане, вокруг Ирана и государств Средней Азии – это очередные этапы все той же никогда не прекращающейся Большой Игры.

Однако Новая Большая Игра – это гораздо больше, чем просто безжалостная гонка за контрактами и концессиями. Для сегодняшних игроков она может иметь важные и далекоидущие последствия. Так, США рассматривают новую Центральную Азию как продолжение Среднего Востока, стратегически важного для себя района, контролируя который можно координировать политическую ситуацию во всей Центральной Евразии.

Вторым активным участником Новой Большой Игры является современная Россия, исторический соперник англосаксов в данном регионе. Москва решительно настроена на то, чтобы надежно прикрыть нашу страну от каких бы то ни было угроз с азиатского направления: от влияния исламских экстремистов до наркотрафиков.

Помимо Соединенных Штатов и России, не говоря уже о Европейском сообществе, главными претендентами на определение будущего Центральной Азии являются ее ближайшие соседи: Китай, Индия, Турция, Иран и Пакистан. У каждого из новых игроков в Средней Азии свои конкретные стратегические цели. Иногда они совпадают, иногда нет. При этом очевидно одно – Большая Игра, которую вели в степях, горах и песках Средней Азии в XVIII–XIX веках Россия и Англия, все еще не окончена. Более того, сегодня к этой игре подключились новые игроки, отчего сама она стала куда более сложной, а следовательно, непредсказуемой и более опасной.

Именно поэтому автор и решил обратить свой взор в далекое прошлое, чтобы, вооружившись знаниями о старой Большой Игре, понять то, что происходит в Большой Игре XXI века.

Разумеется, описать всю Большую Игру просто невозможно, ведь для этого практически придется описывать все военно-политические хитросплетения противостояния ведущих государств мира за последние пятьсот лет.

Впрочем, нас в данном случае интересует лишь участие в данном глобальном противостоянии России и Англии как наиболее ярких игроков Большой Игры, причем лишь на начальном (начало XVIII – середина XIX века) и на классическом (60–80-е годы XIX века) ее этапах. Почему автор решил остановиться именно на этом периоде?

На мой взгляд, для нас должно быть особенно интересно участие в Большой Игре именно России, так как это часть нашей истории. Во-вторых, именно данное противостояние в XVIII–XIX веках общепризнанно является классическим, т. е. вобравшим в себя все методы и формы Большой Игры. Поэтому, поняв основные механизмы событий того времени, мы без особого труда разберемся и в реалиях сегодняшних дней.

Автор несколько не претендует на полное и исчерпывающее описание даже обозначенного отрезка Большой Игры. Она слишком сложна и многомерна. Мы лишь попробуем узнать, как началось имперское движение России на юго-восток, как оно происходило, кто и как этому противодействовал и как это противодействие влияло на всю российскую историю. Что касается остального, то пусть это исследуют и описывают другие историки и писатели.

...Для России пролог Большой Игры начался с проекта царя Петра I о расширении наших владений и установлении прямых контактов с неведомой полусказочной Индией. Это было время первых походов русской армии на Восток, время первых поражений и первых успехов. Именно тогда Петр провидчески определил весь будущий восточный вектор российской политики. Это было вовсе не то фейковое «Завещание Петра Великого», которое вот уже более двух столетий тиражирует Запад. Это было реальное завещание упрочения восточных границ, взаимовыгодной торговли, экономического развития дальних окраин.

Исполняя волю Петра I, от границ державы в неведомые степи, горы, моря и пустыни двинулись генералы и офицеры, солдаты и казаки, чтобы проторить путь на Восток. Судьба первопроходцев будет незавидна – мало кто из них вернулся назад... Но придет время, и по проложенному ими пути пойдут другие. Все это будет, обязательно будет! Пока же Россия лишь осваивает правила будущей Большой Игры...

Итак, мы отправляемся в начало далекого XVIII века, в эпоху, когда Россия впервые обратилась лицом на Восток, сразу же столкнувшись с противостоянием Туманного Альбиона. Это станет прологом будущей Большой Игры.

Автор

*Еще долго ли нам, ребята, на Дарье стоять?
На Дарье стоять, ребята, караул держать? —
Мы Дарью-реку пройдем рано с вечера,
А Кувань-реку пройдем в глуху полночь,
А в Хиву придем вокруг белой зари...*

Из песни уральских казаков

Предисловие

...В глухую пору XVI века по берегам реки Яик, что текла на юг к Хвалынскому морю, русские казаки поставили первые станицы и начали обживать в диком краю. Жилось там несладко: зимой лютые морозы, летом жара и суховей, но казаки выживали и крепости духа не теряли. Добывали зверя, рыбу ловили рыбу, тем и питались, коров и овец не заводили, да и на земле не работали. Необходимые товары покупали на торгах в волжских городах или выменивали на рыбу у приезжих купцов. Был у казаков и свой укрепленный городок – Яицкий – против устья реки Илек (Рубежной) на Голубом городище. Предприимчивые казачьи атаманы, помня о сибирских подвигах Ермака, на свой страх и риск собирали время от времени шайки удалцов, готовых идти за ними во всякое время на край света за добычей, как тогда говорили – «за зипунами». Налетая на киргизов и хивинцев, они отбивали стада и отары, после чего, нагруженные добычей, возвращались домой.

С Москвой у яицких казаков отношения не сложились. Не желали яицкие исполнять царские указы. По этой причине по указу царя Федора поймали самого горластого из яицкого атаманов Богдана Барбошу, заковали в цепи, увезли в Москву, где прилюдно на Лобном месте и казнили. Но тише от этого на Яике вовсе не стало.

Между тем на Москве умер царь Федор, не оставив наследника, после чего на трон сел брат царской вдовы Борис Годунов. Новый царь начал безжалостно казнить казаков за их набеги на татар и ногайцев. Ну а как настоящему казаку без разбоя, с чего тогда жить? Почесали казаки кудлатые головы: решили так, коль татар и ногайцев грабить нельзя, будем грабить персиян! И в тот же год отдували на Яике богатый караван хивинских купцов. Тогда же от одного из пленных узнали, что хан Хивинский Араб-Мухаммед каждое лето отъезжает из Хивы с войском и вельможами на реку Амударью, где отдыхает и охотится. В Хиве же оставляет немногочисленную стражу.

– Коли случай такой представился, грех будет его себе в пользу не обратить! – заявил на войсковом круге атаман Нечай Шацкий. – А не повоевать бы нам Хиву! Войска там нет, зато золота, самоцветов и парчи каждому столько достанется, что и на десяти конях не увезти!

Бросил о земь смятую шапку атаман и встал посреди круга, подбоченясь: мол, жду общего решения. И решение себя ждать не заставило.

– Любо! Любо! – взорвался криком войсковой круг. – Веди, Нечай, надоело по степям за киргизами гоняться! Хотим за знатной добычей на Хиву!

Тогда же в поход решили идти больше полутысячи казаков. После этого сразу начали готовиться к предстоящему дальнему походу.

Весной 1603 года казаки спустились на стругах по Яику в низовья у селения Кош-Яик, где отряд Нечая сделал передышку. Собрали большой обоз, чтобы было на чем обратно добычу везти. Снова собрали войсковой круг. На нем войсковой дьяк стал было протестовать против дальнейшего похода, страшал степным зноем и хивинским войском, за что тут же повешен атаманом Нечаем. Как звали мятежного дьяка, для истории так осталось неизвестным, но местные горы с тех пор яицкие казаки прозвали Дьяковыми. После этого отряд двинулся с обозом по старой Хивинской караванной дороге через Эмбу и Устюрт.

На Хиву все же решили не идти – и далеко, и небезопасно. Времени с отъезда хана с войском прошло уже немало, вдруг вернется? Посоветавшись, решили ограничиться набегом на более близкий Ургенч.

В начале лета казаки спустились в котловину Айбугир (высохшее русло Амударьи). Дорога по старому руслу была извилистой, временами пересекаемая небольшими песчаными барханами. Так дошли да селения Таса-Гуз, откуда до древнего города Ургенч оставался всего какой-то день хода. Пока основной отряд отдыхал, Нечай отправил в разведку опытных

лазутчиков-ертаулов с хивинцем-проводником. Тот вывел казаков прямо к главным воротам Ургенча Мерзы.

Ургенч стоял посреди долины, окруженный земляными валами, простиравшимися на четыре версты. К удивлению казаков, ворота были открыты. После этого последовала внезапная утренняя атака, и Ургенч пал, даже не успев понять, что же произошло. Немногочисленный отряд стражи был изрублен прежде, чем успел вступить в бой. После этого казаки, по своему обыкновению, начали вселенский грабеж и насилие.

Летописец Абу-л-Гази сообщает подробности входа войска яицких казаков в город: «Русские казаки, прельщенные словами туркестанца, сделали его вожатаем к городу, и он ввел их в Урганч Мурзинскими воротами. Прежде всего, им попался мясник, сидевший в лавке; они закололи его копьем за то, что он, сочтя их за служителей из военных людей, кричал: «Грязь ешьте, баранчики, армяне!» Недуманно-негаданно – в этот день встречают смерть до 1000 человек, знатных и незнатных».

Однако ожидания на большую добычу в Ургенче не оправдались. Дело в том, что город незадолго до того четырежды разорялся и разрушался враждующими ханами. Даже местные купцы там едва сводили концы с концами, не говоря уже об остальных. Это, впрочем, не помешало казакам вытряхнуть из ургенчских жителей последнее, захватить молодежи и, навалив в тысячу телег ковры, одежду, бязь и прочее награбленное добро, выступить в обратный поход. Возможно, если бы казаки сразу же покинули Ургенч, то все вышло бы иначе. Но, на свою беду, они целую неделю там отдыхали и пировали. Возвращаться решили уже знакомым старым руслом Амударьи.

Но казакам не повезло. Через неделю после их ухода из Ургенча туда примчался во главе войска Араб-Мухаммед, прослышавший о набеге. Обнаружив Ургенч разграбленным, хан двинулся вслед за казаками.

Между тем казаки столкнулись с нехваткой воды, которую теперь надо было делить и с многочисленными пленницами. При этом перегруженные награбленным добром телеги (часть бочек для воды казаки попросту выкинули) и пленники значительно замедляли движение отряда. Впрочем, Нечай рассчитывал пополнить водный запас перед выходом на плато Устюрт, до которого было не так уж и далеко.

Выслав дозоры, Араб-Мухаммед вскоре получил представление о силах казаков и направлении их движения. Поэтому, ускорив движение, он обошел растянувшийся казачий отряд стороной и, зайдя вперед, встал в низине высохшего русла, заступив дорогу к реке. Хивинцы перекопали дорогу рвом и стали укрепленным лагерем. Подойдя к лагерю Араб-Мухаммеда, Нечай понял, что если он попытает его обойти, то будет атакован во фланг и неминуемо разбит. Выход был один – атаковать в лоб. Надо отдать должное казакам, что атаковали они хивинцев настолько неистово и дружно, что ворвались в их лагерь, многих перебили, а остальных обратили в бегство, после чего зарыли ров и продолжили путь. Часть добычи и самых слабых пленниц при этом пришлось бросить.

Но Араб-Мухаммед с лучшей конницей снова обошел медленно тянувшийся по пескам обоз и во второй раз перегородил дорогу, снова выкопал перед собой ров.

Казаки снова попытались было атакой в лоб выбить противника, но были отброшены. После второй неудачной атаки Нечай понял, что нужна передышка. Теперь инициативу захватили уже хивинцы, которые начали донимать казаков мелкими наскоками и обстрелами из луков.

– Будем ставить лагерь-курень! – распорядился Нечай.

За пару часов казаки выстроили телеги вкруг, связывали их цепями. Сверху телеги накрыли мокрыми кошмами от зажигательных стрел. Пешие казаки занимали позиции у телег и вели из-за них прицельный огонь из мушкетов, когда дело доходило до рукопашной, сражались пиками, топорами, кистенями и саблями. Казаки, имевшие лошадей, выезжали перед

лагерем, отгоняя особо назойливых. Подступы к телегам прикрыли заграждением из оглобель. Все было продумано и устроено на совесть, поэтому, когда хивинская конница попыталась атаковать, была отбита с большим уроном.

Но время работало на Араб-Мухаммеда, так как у казаков кончалась вода.

– Урусы не могли пробиться и пили кровь своих убитых! – гордо заявлял впоследствии хивинский хан.

На седьмой день обороны лагеря хивинские войска прорвались и в страшной схватке перерубили казаков, взяв раненых и больных в плен.

Из схватки сумела вырваться лишь сотня конных казаков, во главе с самим Нечаем, которые с боем прорвались сквозь хивинские боевые порядки и умчались к Амударье.

Там возле селения Тук казаки выстроили временное деревянное укрепление. Так как многие были ранены, нужен был хоть небольшой отдых. Поэтому Нечай и решился на стоянку в надежде, что хивинцы о них забудут. Казаки приходили в себя, врачевали раны, кормились тем, что ловили рыбу. Но укрыться от хивинского хана не удалось. Спустя две недели Араб-Мухаммед подошел к реке с войском. Началась новая осада, которая продолжалась пятнадцать дней. Помощи казакам ждать было неоткуда, милости от хивинцев ждать не приходилось, поэтому сражались они отчаянно. На пятнадцатый день крепостица пала, и озверевшие хивинцы почти всех перебили, включая и атамана Нечая. Лишь несколько человек снова ускакали в степь.

Из ушедших в поход пяти сотен с атаманом Нечаем на Яик вернулось лишь несколько чудом уцелевших казаков, которые и принесли печальную весть о гибели отцов, мужей, братьев и сыновей.

Через несколько лет отомстить за погибших вызвался атаман Шамай. Во главе отряда в несколько сотен казаков он снова двинулся на Хиву. При этом вначале ему несказанно повезло – Хива оказалась пуста, и казаки ее легко взяли, предав полному разграблению. Ну а дальше все произошло так же, как и в предыдущий раз. Вместо того чтобы быстро собрать награбленное и убираться восвояси, казаки предались обычному для них загулу, задержавшись на несколько роковых дней.

Когда же все-таки покинули Хиву, то, преследуемые хивинцами, сбились с дороги и вышли к Аральскому морю (говорили, что туда казаков специально заманили хитрые калмыки). По своему обычаю, казаки встали в оборону. Вскоре у них закончился провиант, а затем голод дошел до того, что казаки убивали наиболее слабых товарищей и ели их трупы. В конце концов обессиленные остатки отряда были захвачены в плен хивинцами и окончили жизнь невольниками. Сам же атаман Шамай спустя несколько лет был привезен калмыками на Яик для получения за него выкупа.

После этих казачьих походов хивинцы, убежденные, что они полностью защищены с севера безводными пустынями, задумали оградить себя от внезапных нападений и с запада, со стороны Каспийского моря, куда из Хивы текла река Амударья. Для этого они возвели поперек реки несколько плотин, и бывшее многоводное русло быстро превратилось в песчаную пустыню. Что касается яицких казаков, то более на Хиву они уже не покушались, начав морской разбой на Каспии у персидских и туркменских берегов. Если о ханствах пустынных и вспоминали, то с горечью:

– Хива – страна заклятая, а потому до поры до времени покорить ее никакими силами нельзя!

Так минуло более ста лет...

Часть первая Кровавый хивинский дебют

Глава первая

Ранняя весна 1713 года на Балтике была, как всегда, стыла и ветрена. Над прибрежными дюнами носило мокрый песок, а сосны сгибало так, что казалось, вот-вот сломаются. Море штормило и было пустынно. В такое ненастное время даже рыбаки предпочитали оставаться на берегу. Лишь с Финского залива ветер нес почерневшие за зиму льдины.

Окончательно выбив шведов с берегов Финского залива, Петр I готовился вывести свой молодой флот на просторы Балтийского моря и уже там устроить шведам окончательный погром.

В те весенние дни он готовил к боевым действиям гребные галеры. Но приходилось ждать, пока окончательно вскрыется лед. Когда же в мае залив наконец-то очистился, в Кронштадт пришли первые торговые суда. Задымили печи портовой голландской кухни, где повара с пришедших английских и голландских купеческих судов готовили еду. Приходу первого торгового каравана Петр был рад несказанно и ознаменовал это событие выбитием памятной медали и знатным фейерверком.

Глядя, как с шипением взлетают в вечернее небо разноцветные петарды, царь попивал любимое токайское, ведя умные разговоры с господарем молдавским Дмитрием Кантемиром. В принципе, на тот момент Кантемир господарем уже не был, так как годом ранее, поддержав Петра в его злосчастном Прутском походе, был вынужден бежать в далекий Петербург, где ныне и проживался. Кантемир вина не пил (два года назад случилось быть больным от излишества оного), предпочитая крепкий кофий. Петр такое самодурство не ободрял, но и не препятствовал.

В разговоре речь шла о расширении торговли с Европой. Говорил больше царь, Кантемир помалкивал и кивал, а если слово и вставлял, то, по-своему обыкновению, ненавязчиво. В какой-то момент сей неторопливой беседы Петр неожиданно спросил:

– А расскажи-ка мне, Митрий, о тех странах, что лежат за Каспийским морем. Не век же нам на Балтике плавать, пора и в другую сторону глянуть.

Царь знал, к кому обратиться с таким вопросом. Кантемир в юности несколько лет провел заложником у султана турецкого, посему был знаком с тамошними порядками, владел восточными языками, интересовался Персией. О закаспийских державах Кантемир слышал не так уж много, но о том, что знал, поведал.

– Из старых арабских книг известно, что на берегах древней реки Оксус, что стекает с Индийских гор и ныне зовется Амударьей, имеются якобы немалые месторождения золота! – сообщил он в конце своего рассказа.

Рассказ о золотоносной реке царя сразу же заинтересовал, но Кантемир к сказанному больше ничего прибавить не мог.

– А что тебе известно про саму Индию? – напряженно придвинулся к нему Петр.

Вопрос был настолько неожиданным, что Кантемир даже пролил кофе...

Однако для Петра он был вполне закономерен. Мало кто знал, что Индия манила Петра еще с детства, с прочтения ходившей тогда по России полуфантастической повести о походе Александра Македонского в Индию – «Александрия». С тех пор Петр всегда помнил об этой сказочной стране. Именно поэтому еще в 1694 году он отправил в далекую Индию купца Семена Маленького, чтобы тот как можно больше разузнал о стране его мечты и, вернувшись,

рассказал. Вместе с Семеном отправился в неблизкий и опасный путь и посадский человек Иван Севрин. Уже в Астрахани тамошний воевода вручил путешественникам письма к персидскому и индийскому владыкам. До Персии Семен Маленький добрался с торговым караваном, а оттуда уже с индийскими купцами и до Индии. Правитель Великих Моголов принял письмо астраханского воеводы благосклонно, и препятствий русским никто не чинил. Путешественники посетили несколько городов, в том числе Дели и Агру. Распродав товары, Семен с Иваном отправились домой, решив добраться до Персии морем (об этом их также просил Петр). В Персидском заливе у острова Бахрейн их судно было, к сожалению, разграблено разбойниками. Спустя некоторое время Семен Маленький умрет в Шемахе, а в Россию возвратится только его напарник Иван Севрин. К этому времени Петр завоевал Азов и вел армию на шведов под Нарву. Тогда ему было уже не до Индии.

На неожиданный вопрос царя Дмитрий Кантемир лишь развел руками:

– Только то, государь, что Индия-страна лежит за песками и горами и это страна неслыханных богатств.

– Сие и мне известно! – вздохнул Петр I. – А еще мне известно, что к Индии португальцы и голландцы уже добрались морями, но по суше туда еще никто, кроме Александра Македонского, дойти не смог!

В небе с треском рассыпались очередные петарды. Царь допил токайское и подозвал к себе сидевшего поодаль с купцами графа Апраксина, чтобы поговорить с ним уже на темы злободневные – морские.

Впрочем, Петр, как известно, ничего не делал просто так, а потому и разговор об Индии и близлежащих к ней странах завел тогда совсем не случайно. Дело в том, что несколькими днями ранее получил он донесение из Астрахани от тамошнего обер-коменданта Чирикова, будто местные купцы, ведя торги на Тупкараганской пристани в Каспийском море, имели большой разговор с заезжим трухменом Ходжой Нефесом, который требовал встречи с русским царем по важному делу, намекая, что дело это касается богатств великих. О себе Нефес Ходжа говорил, что является известным ученым-ходжой, потомком Пророка и одного из трех первых халифов.

После этого впечатленный Чириков допросил трухменца, и тот рассказал о некоей речке в хивинских песках, где золото можно доставать пригоршнями. Прочитав послание, велел царь того трухменца к себе для разговора личного в Москву доставить.

Забегая вперед, отметим, что Ходжа Нефес заявился с рассказом о золотой речке к астраханскому обер-коменданту вовсе не по своей инициативе, а по велению тупкараганского владетеля Сайдали-султана, состоявшего в подданстве у калмыцкого хана Аюки. Калмыцкий хан делал в данном случае свою игру, стремясь «подружить» Петербург с Хивой, так как боялся и воинственных хивинцев, и соседствующих с ними астрабадцев. Рассуждал при этом Аюка просто: если царь Петр пошлет людей искать золотую речку, заключив с Хивой мир, то хивинцы более не тронут и его. Если же царь Петр пошлет солдат и те разгромят хивинцев, то опасность с юга исчезнет для Аюки сама собой.

Следует отметить, что за несколько лет до описываемых событий Петр I уже вступал в переписку с хивинским ханом, владения которого лежали по обе стороны реки Оксус. Хан искал тогда поддержки России для подавления непокорных племен. При этом хивинский хан абсолютно не понимал, что собой представляет огромная и могущественная Россия. Поэтому в обмен на защиту русских хан предложил русскому царю... стать его вассалом. Тогда, будучи занят делами дома и в Европе, Петр на это глупое предложение даже не обратил внимания.

При этом в Астрахани по приказу Петра вот уже несколько лет удерживали хивинского посла Ашур-бека. Дело в том, что посол был уличен в 1711 году с несколькими другими хивинцами и бухарцами в преступной переписке с турками на предмет сдачи им Астрахани. При

этом именно Ашур-бек стоял во главе заговора и должен был поднять в нужное время на мятеж всех правоверных в городе.

Казнить посла Петр тогда не разрешил, но и домой не отпустил. Помимо всего прочего, у Ашур-бека отобрали несколько ранее подаренных хивинскому хану пушек. И хотя Ашур-бек являлся послом не властвующего ныне в Хиве хана Шергази, а его предшественника Ануш-Мухаммеда, но нынешний хан о задержанном посланнике, разумеется, знал. При этом никакого недовольства по поводу посла он не проявлял, явно стремясь отгородиться от темных дел Ануш-Мухаммеда.

* * *

В России начала XVIII века далекая и загадочная Индия представлялась сущим раем, спрятанным за бескрайними степями, безводными пустынями и непроходимыми горами, где под ногами сверкают самоцветы, в тени тропических цветов поют сладкоголосые птицы-сирины, а люди пребывают в вечном блаженстве и неге.

Увы, действительность была совсем иной. В Индии того времени жилось весьма непросто, ибо это была Индия Великих Моголов – последняя империя потомков Чингисхана и Тамерлана. Там кипели поистине макбетовские страсти, плелись заговоры и интриги, совершались заказные убийства. В самом начале XVIII века знаменитый «павлиний трон» из золота и самоцветов захватил вероломный и безжалостный падишах Аурангзеб (провозгласивший себя «Покорителем Вселенной» – Аламгиром), который немедленно посадил под замок собственного отца и перебил братьев. Вопреки его мечтам, жизнерадостные индусы не желали молиться в мечетях, они хотели посещать свои святилища, а еще хотели петь и танцевать!

Однажды, в отчаянной попытке пробудить в сердце властителя сочувствие к своему бедственному положению, несколько музыкантов устроили похоронную процессию с музыкой, жалобные звуки которой достигли ушей Аурангзеба. Тот поинтересовался, что происходит.

– Ваше величество! – ответили участники процессии. – Мы – музыканты и собираемся похоронить нашу музыку из-за недостатка вашего внимания к ней!

– Так захороните ее поглубже, чтобы она никогда не выбралась из могилы! – распорядился правитель.

Ревностный поборник ислама, Аурангзеб ввел джизью (особый налог) для немусульман, разрушил индуистские храмы, запретив жизнерадостным индусам и петь, и танцевать. При этом «Покоритель Вселенной» отправлял послов в Бухарское ханство, реставрировал в Самарканде мавзолей своего великого предка Тимура, а в свободное от трудов время раскрашивал красками страницы рукописного Корана...

Империя Великих Моголов была на вершине своего могущества. Сокровищница Аурангзеба в Агре поражала количеством драгоценностей. Именно там хранился и самый великий и загадочный из всех бриллиантов мира – «Великий Могол», в виде ограненный розы...

Будучи правителем решительным и жестким, Аурангзеб сумел присоединить к себе новые территории, и в его правление империя Великий Моголов разрослась до наибольших размеров. Она простиралась от предгорий Памира до нынешнего Бомбея и от истоков Инда до Бенгальского залива. Увы, это был колос на глиняных ногах! Насильственная исламизация Индии вызывала вполне предсказуемый повсеместный отпор и массовые бунты. Лишь благодаря полководческому таланту, невероятной личной энергии и чудовищным усилиям воли Аурангзебу удавалось удерживать огромную империю от распада. При этом усмирить подданных Аурангзеб мог не всегда.

Именно так произошло в 1655 году, когда восстали индуисты-маратхи во главе со своим вождем Шиваджи. Началась многолетняя война, протекавшая с переменным успехом.

Однажды в 1705 году Аурангзебу даже удалось захватить столицу своих врагов Сибхаджи, но воинственные маратхи собрались с силами и уже в 1705 году вернули Сибхаджи себе.

Все дальнейшие попытки подавить мятежников оказались безуспешными, и маратхи образовали на территории Декана свое собственное государство. Следом за маратхами откололись и раджпуты, которых поддержал собственный сын Аурангзеба. Едва ослабел Дели, как поднялись воинственные сикхи в Пенджабе и началась очередная война.

Перед самой смертью 88-летний Аурангzeb якобы видел тень своего предка султана Акбара, чей голос произнес: «Горе великому дому Тимура. Пришел конец его величию!»

Так все и случилось. После смерти Аурангзеба на престол Могольского государства вошел его сын Бахадур-шах. Однако престол Великого Могола должен был наследовать не он, а его старший брат Муазим, исполнявший в это время обязанности наместника в Кабуле. Обиженный претендент во главе большого войска двинулся к могольской столице Агре, чтобы восстановить справедливость. В 1708 году под стенами Агры произошло большое сражение. Войско Муазима было разгромлено, а сам он убит. В результате трон остался за Бахадур-шахом. Но удержать от развала государство Великих Моголов младший сын Аурангзеба не смог. Ни он, ни его старший сын Джахандар Шах, властвовавший с 1712 по 1713 год, уже сами ничего не решали, будучи под опекой влиятельного вельможи Зульфикар Хана. Последующие четверо правителей были вообще фигурами декоративными. Они еще могли восседать на «павлиньем троне», но были лишь пешками в чужих политических играх. Империей Великих Моголов фактически правили в своих интересах два брата-авантюриста Гуссейн и Абдалла Саиды, которых за глаза так и прозвали «делатели царей».

В результате еще вчера великая держава Великих Моголов стремительно погрузилась в смуту. Отныне враждующие эмиры сами возводили на престол нужных себе местных правителей. Империя распалась на десятки враждующих провинций. Все воевали против всех.

С 1720 года начинается окончательная агония Великих Моголов – одной из величайших империй тогдашнего мира. Тогда султан Мухамед Шах (наместник Декана Низам-уль-Мульк) образовывал свое независимое государство. Его примеру последовал наместник провинции Ауд Саадат Али Хан I, сделавшийся из простого персидского купца визирем, а затем первым навабом аудским под именем Наваба-визиря аудского.

Разумеется, что нескончаемыми распрями индийских вождей лучше всего воспользовались те, кто уже давно грезил об индийских богатствах и только ждал подходящего момента для захвата богатейших земель...

* * *

Европейцы мечтали о сокровищах Индии всегда. Первыми проникли к индийским берегам еще в конце XV века португальцы, быстро прибавившие к рукам торговлю самоцветами и пряностями. Следом до Индии добрались голландцы, а уже за ними французы и англичане. При этом именно последние оказались самыми алчными и предприимчивыми.

Для начала, чтобы избежать убытков, связанных с неизбежной межклановой торговой войной, благоразумные английские купцы предпочли объединиться и создать совместную компанию. Так в 1600 году по указу королевы Елизаветы была создана британская Ост-Индская компания, призванная не только прибрать к своим рукам торговлю в Индии, но и постепенно колонизировать страну. Но действовали англичане осторожно. Если в первое время они осваивали прибрежные к Индии острова, вывозя оттуда пряности, то только затем, окрепнув, компания начала постепенный захват территорий на побережье материка. Умело ведя переговоры, англичане добились у Моголов разрешения на строительство временной фактории в Сурате, которая позже переместилась в Бомбей. О богатстве Сураты ходили легенды. Французский купец

Франсуа Мартен, случайно попавший туда, был потрясен, увидев груды золотых и серебряных слитков, сваленных прямо на причале...

В 1640 году англичане закрепились в Мадрасе, затем получили право на монопольную торговлю в Бенгалии и к концу XVII века выстроили на землях, предоставленных Великим Моголом, город-крепость Калькутту. Для лучшего управления опорными пунктами, предусмотрительно расположенными в различных районах Индостана, были образованы три президентства: Бомбейское, Мадрасское и Бенгальское.

Действовали англичане дальновидно, и колонизацию Индии, в отличие от португальцев, начинали без крови и шума, покупая и арендуя земельные наделы, на которых тут же, впрочем, возводили укрепленные форты-фактории. Для общего руководства всеми президентствами, переговоров с местными раджами, решения спорных вопросов и сбора налогов была введена должность генерал-губернатора Индии, являвшегося одновременно членом совета директоров компании. Таким образом, англичане провозгласили своим губернаторством еще фактически независимые от них индийские территории.

Что касается французов, то к 20-м годам XVIII века они заполучили колонии на юго-востоке Индии, в Пондишери, Шандернагор в Бенгалии и Маэ на Малабарском побережье. Помимо этого, французские фактории обосновались в ряде других крупных городов. Несколько скромнее были голландские фактории. При этом голландцы, понимая свою слабость, стремились не конфликтовать с более могущественными конкурентами, довольствуясь тем, что им выпадало. Что касается португальцев, то к началу XVIII века из Индии англичане с французами их почти изгнали.

Надо ли говорить, что с наступлением смуты в державе Великих Моголов английские, французские и голландские торговые Ост-Индские компании начали рвать Индию на куски, буквально лопатами выгребая богатства и сокровища индийских раджей. При этом англичанам все больше мешали и французы, и голландцы. И хотя, пока до войны между колонизаторами не дошло, всем было ясно, что это лишь вопрос времени.

Разумеется, известие о том, что русский царь Петр Алексеевич вдруг тоже заинтересовался Индией, ни у одной из европейских держав восторга не вызвало. И хотя все понимали, что пока русские реально им не конкуренты, имперские амбиции Петра вселяли определенную тревогу за будущее. Именно поэтому английский, французский и голландский послы в Петербурге практически одновременно получили секретные инструкции отслеживать все русские поползновения в сторону Индии, а заодно в сторону Средней Азии и по возможности этому препятствовать.

* * *

В тот же день, когда Петр I вел разговор о далекой Индии с Кантемиром, произошло событие, на которое никто не обратил внимания, – на одном из торговых английских судов вернулся в Россию после заграничной стажировки выпускник навигацкой школы Сашка Кожин. Да и то, мало ли таких, как он, тогда каждый год уезжало на учебу европейскую и возвращалось обратно!

Вышел гардемарин Кожин на кронштадтский берег, перекрестился, стал на колени, поцеловал землю:

– Ну, здравствуй, сторона родная – русская!

Из Кронштадта отправился Кожин в Санкт-Петербург, держать экзамен перед адмиралитетом.

Новая российская столица разительно отличалась от всех других русских городов – прямые, пересекающиеся под прямым углом улицы-проспекты, типовые проекты домов, непривычный европейский облик. Вместо древнерусских палат – дворец князя Меншикова в гол-

ландском стиле. Шагал по улицам Кожин и диву давался, словно и не уезжал из английского Портсмута!

В Адмиралтейств-коллегии, куда прибывший доложил о прибытии, у него перво-наперво затребовали письмо из посольства – таков порядок. Кожин с почтением протянул мятый засургученный конверт. Вице-президент коллегии Корнелий Крюйс с такой силой рванул его за концы, что куски сургуча прямо ему на колени и осыпались. Страхнул вице-адмирал сургуч и вслух зачитал письмо князя Ивана Львова: «Александр Кожин знал навигацию еще в России и, приехав в Англию, зело с великим прилежанием учил в практиках свое дело, из адмиралтеи английской от капитана имеет он сертификаты с подлинным засвидетельствованием, что он знает свое дело...»

Прочли флагманы и английские сертификаты, оглядели в лупы подписи и печати – все как положено. После чего, зная слабость Петра лично беседовать с вернувшимися флотскими учениками, велели ждать встречи с монаршей особой. Через три дня состоялась и высочайшая беседа. Надо ли говорить, сколько волновался гардемарин, не каждый день тебя царь экзаменует! Но все обошлось, как нельзя лучше, на все вопросы царские Кожин ответил толково и обстоятельно, а задачки каверзные навигационные решил быстро и верно.

– Молодцом! – подошел к нему Петр, по-своему обыкновению, пылко расцеловав в губы. – Мне такие орлы морские сейчас дозарезу нужны!

Чинам же адмиралтейским сказал так:

– Сей Кожин в науках навигацких действительно преуспел, отчего записать его в подштурманы и отправить для начала класть на карты берега финские.

Вышел из адмиралтейской башни Кожин, вздохнул грудью морской воздух. Хорошо! Натянул потуже треуголку, чтобы ветром свежим не унесло, и двинул к дружкам своим по школе навигацкой, чтобы сообща отметить возвращение в табачном чаду «Австории Четырех Фрегатов» – любимом столичном трактире всех мореходцев.

Пока подштурман Сашка Кожин отчаянно гуляет со своими однокашниками и ничего не ведает о своей необычной судьбе. Но скоро судьба преподнесет ему первый сюрприз. Ну а мы пока недолго простимся с уже изрядно подвыпившим подштурманом.

* * *

Осенью 1713 года Петр ненадолго завернул в Москву. Там его уже ждал трухмен Ходжа Нефес, тот самый, что пугал астраханских купцов страшной тайной. Привез Нефеса в Москву поступивший на русскую службу и принявший православие персиянин из Гиляни Михайло Заманов, пожалованный не так давно стольником за успешную торговлю персидским шелком. Летом 1713 году Заманов уже сопровождал в Петербург из Астрахани и обратно персидского посла, за что был премирован царем 182 целковыми. Теперь сопровождал в Москву и Ходжи Нефеса. Царь заприметил шустрого стольника, еще когда тот сопровождал посла. Поэтому на этот раз вспомнил.

– Ну, выкладывай, друг ситный, что там у тебя за такой ко мне секрет знатный! – приободрил он перепуганного трухмена, когда тот, завидев самодержца, рухнул плашмя на дубовые доски пола.

В разговоре Нефес подтвердил рассказ о реке, что течет сквозь пустыню и полна золота. Более того, заявил, что река золотоносная зовется Оксусом (или Амударьей) и впадает в Каспийское море, но где именно, он не знает. Следовательно, устья Оксуса можно достичь морским путем. Кроме этого рассказал Ходжа, что хивинский хан не столь давно поменял старое русло реки, воздвигнув огромные плотины.

Поведал и то, что если русские выступят против хивинского хана, то их обязательно поддержит астрабадский хан Муса – давний недруг Хивы и вассал персидского шаха. При этом

под рукой у воинственного Мусы якобы до 60 тысяч отчаянных кызылбашей, которые только и ждут, чтобы накинуться на ненавистных хивинцев. Ходжа Нефес утверждал, что, находясь в Хиве, сам слышал о готовящемся походе хана Мусы на Хиву.

В целом разговором с трухменцем Петр остался доволен. Идея достичь восточных ханств по золотоносной реке была завлекательной. Вердикт царя был таков:

– Заманова отпустить в Астрахань, чтобы и дальше визнавал про речку Оксус, а трухменца на всякий случай пока придержим в Москве. При сем содержать сего Ходжу в достатке и сытости!

В тот вечер Петр пребывал в задумчивости, размышляя о том, как неплохо было бы с закаспийскими ханствами задружить и реку золотоносную себе в пользу обратить.

– Лучше все же с Хивой решить дело миром, – рассуждал он с приближенными. – К тому же если между Хивой и Астрабадом действительно вот-вот начнется война, то хивинский хан сам сделает все, чтобы с нами поладить.

Приближенные дружно кивали. Петр же продолжал свои рассуждения:

– Сие Эльдорадо златоносное, ежели слухи подтвердятся, очень большую помощь нам составить бы могло. Уж как нам сейчас надобно это треклятое злато, уж как надобно!

В словах Петра слышалась неприкрытая надежда. Дело в том, что золота и серебра в России тогда еще не добывали, а возили из Азии и Европы, закупая, разумеется, по ценам запредельным, и это в условиях тяжелейшей многолетней войны! Поэтому царь давно мечтал о собственных приисках. И не только мечтал. Уже были посланы люди искать золото на Урале и серебро в Сибири. Но пока ободряющих известий от них не было. Именно потому Петр столь легко и ухватился за слухи о закаспийском Эльдорадо. А чем черт не шутит, глядишь, и в самом деле откроется столь богатая жила, что можно будет не только свои потребности покрыть, но и торговать золотом со всем миром! Впрочем, легких путей к Эльдорадо быть не могло, ибо золото во все времена щедро оплачивалось слезами и кровью... Так что подумать было над чем.

Ученые мужи в Петербурге, однако, сразу же засомневались, что течение Амударьи изменено именно рукотворными плотинами, высказывая мысль, что сия перемена произошла, скорее всего, от землетрясения, которое возвысило землю на восточной стороне Каспийского моря и образовало море Аральское.

– Создание плотин столь больших и крепких требует знаний и расчетов высших – математических, которых у народов тамошних быть не может, – заявили ученые инженеры.

– Увидим – разберемся! – отвечал на эти сомнения царь Петр. – Но увидеть следует обязательно!

Бывший тут же граф Гавриил Иванович Головкин осторожно напомнил государю:

– Что касается хивинского хана, то осмелюсь напомнить, что онный еще тринадцать лет назад присылал вам посла, прося поддержки в войне с трухменскими племенами.

– Ну и что дальше? – наморщил лоб Петр, с трудом вспоминая столь давнее событие.

– К великому сожалению, не имея ни малейшего представления о силе России, хан предложил тогда вашему величеству стать его вассалом.

– А, теперь помню! – улыбнулся царь. – Мы еще смеялись сей магометанской простоте! Да и не до хивинцев тогда было, предстояло у шведов берега балтийские из зубов с кровью рвать. Теперь же времена иные настали, и можно взор свой обратить и к странам полуденным.

– Хива лежит на пути к Индии, а значит, торговый путь через нее грозит нам не только коммерческой, но и политической прибылью! – высказал свои соображения опытный дипломат Головкин. – Пренебрегать столь выгодной возможностью нам не стоит.

А вскоре пришло и письмо сибирского губернатора князя Гагарина. В письме он сообщал, что, по сведениям его лазутчиков, в нынешнее время золотоносный Оксус, который ранее весь тек в Каспий, частично впадает в озеро Арал, так как русло изменил хан хивинский многими плотинами, но и в Каспий впадает также.

И эта новость пришлась по нраву царю Петру:

– И Гагарин, и трухмонец говорят одинаково, что устье Оксуса лежит на Каспийском берегу, что делает движение наше в тамошние края предельно легким. Ежели же Оксус ныне плотинами частью направлен в Арал, то моим инженерам не составит труда снова развернуть его полностью в Каспий, чтобы стал судоходен.

– Главное, чтобы сия река действительно золотой песок имела, – поддакнул светлейший князь Меншиков.

Петр же продолжил:

– Исходя из этого, надлежит нам явить свою силу и заключить мирные трактаты с закаспийскими ханами, после чего изучим Оксус.

Эмоциональный Меншиков неожиданно вскочил со своего кресла:

– Мин херц, по сей речке достигнем Индии и будем возить в нее товары из Астрахани, а обратно индийские шелка и камни-самоцветы!

Петр улыбнулся своему нетерпеливому любимцу:

– Прежде чем идти искать пути в Индию через Хиву, Бухару и Персию, следует надежно воссоединить Оксус с морем Каспийским, охватить крепостями восточный берег Каспия, что зело важно для торговли и влияния нашего на Персию и Кавказ.

– Ну а потом? – снова не выдержал нетерпеливый Меншиков.

– А потом создадим кумпанства торговые, по примеру английский Ост-Индской, с центром в Астрахани и будем торговать со всем Востоком и Индией!

Еще ничего не было решено, но Петр уже просчитывал будущие торговые пути, которые бы насытили Россию экзотическими товарами и принесли ей немалый барыш в торговле европейской. Что и говорить, мыслил русский самодержец стратегически!

Начало XVIII века – это далеко не начало века XXI, а поэтому прежде дипломатов и купцов решено было послать за Каспий серьезный армейский отряд, чтобы не только разузнать все и о ханствах местных, и о реке золотоносной, но и показать местным ханам, кто есть кто. И первым на пути за морем Каспийским лежало ханство Хивинское – обширное и загадочное.

После возвращения царя из Москвы в Петербург мысль о закаспийской экспедиции начала обретать реальные очертания.

* * *

За окном петровского домика, что на берегу Невы, хлестал дождь, а над самой рекой стремительно кружили чайки.

– Начнем с главного, – решил Петр, глядя в мутные разводы наборного стекла. – Следует сыскать в экспедицию к хану хивинскому достойного начальника.

Дело действительно предстояло совершенно новое и необычайно сложное, поэтому в ближайшем кругу царя перебрали немало кандидатур, но всякий раз по тем или иным причинам находили их негодными. Наконец князь Александр Меншиков предложил поручика лейб-гвардии Преображенского полка Бековича-Черкасского:

– Лучшей кандидатуры нам не найти.

– Почему же? – удивился Петр, зная Бековича как храброго, но не самого толкового из гвардейских офицеров.

– Бекович родом кавказец, языки восточные с детства знает, при этом магометанству не привержен, так как вырос при царском дворе и крещен в православие. В боях же всегда храбр и преданность доказал.

– Для столь трудной миссии хитрость нужна иезуитская, а Бекович наивен порой, что дите неразумное! – покачал головой царь.

– Ну, не слишком и наивен! – не унимался Меншиков. – С ханом он куда быстрее общий язык найдет, чем какой-нибудь косопузый рязанец. К тому же ежели дать Бековичу инструкции подробные, то он, будучи офицером исполнительным, все сделает как надобно и в точности. Вспомни, мин херц, что имеет он уже опыт успешных переговоров с беками кабардинскими, после чего вся Кабарда тебе мирно присягнула. Так что не столь и наивен Бекович. Да и помощников дадим ему стоящих.

Последний аргумент прозвучал весьма убедительно.

Действительно, несколько лет назад, когда Петру понадобился посол для переговоров с кабардинскими князьями, был послан на свою родину с царской грамотой именно князь Бекович. Миссия оказалась удачной, и местные беки, прочтя царскую грамоту, изъявили готовность служить великому государю всей Кабардой, после чего и были приведены к присяге. На последующих переговорах кабардинские беки торжественно заверяли в своей преданности России, выражая готовность в случае войны с Турцией собственными силами защитить побережья Каспийского и Черного морей от вторжения вражеских войск, а также «чинить поиски» на Крым и кубанских ногайцев, ежели те выступят на стороне неприятеля.

Вспомнил о Бековиче Меншиков неслучайно. Буквально пару дней назад прочитал он проект кабардинского князя о присоединении к России кавказских народов во избежание усиления среди них турецкого влияния. И хотя проект был наивен, усердие автора заслуживало похвалы.

– Что ж, – помолчав, кивнул Петр – Может, именно Бекович и подойдет.

На том и порешили.

29 мая 1714 года князь Александр Бекович-Черкасский получил соответствующий царский указ «О посылке Преображенского полка капитан поручика кн. Алекс. Бековича-Черкасского для отыскания устьев реки Дарьи» и убыл в Астрахань заниматься подготовкой экспедиции.

По пути из Петербурга в Астрахань Бекович сделал крюк, захав в родную Кабарду, чтобы взять с собою братьев и несколько верных друзей-джигитов. В дальнем и опасном походе верные люди всегда нужны. Пока князь Бекович совершает неблизкую поездку, познакомимся с ним поближе.

Избранник царя родился в княжеской семье в Малой Кабарде и звался изначально Девлет-Гирей-Мурзой. Был он потомком грозного Салтан-бека Аслана-мурзы, княжеское достоинство которого было подтверждено еще царем Федором Алексеевичем. Отдельные исторические источники утверждают, что Бекович-Черкасский и вовсе происходил из древнего княжеского рода Гюрджи-хана, потомка Чингисидов.

В ходе первых столкновений между русскими и кабардинцами Девлет еще мальчиком был забран у родителей аманатом в Москву. Там при крещении был наречен Александром. С фамилией долго не думали: коль отец звался беком, то и мальчишку нарекли Бековичем. А вскоре княгиня Анна Васильевна Нагая (из рода Голицыных), коротая вдовий век, взяла его к себе в дом и, воспитав, как сына, объявила своим наследником, подарив обширные вотчины свои в Романовском уезде. Помимо этого, в подарок от княгини Бекович получил и большой дом в Москве, а также подмосковные села Перхушково с Юдином, став в одночасье богатым человеком. В 1707 году Бекович, подобно многим недорослям боярским, был послан за границу изучать мореплавание. Но в морских науках нисколько не преуспел, а потому был от флотской службы отставлен и определен по армейской – поручиком Преображенского полка. По возвращении из-за границы неудавшийся моряк был по воле царя венчан на княжне Марфе Борисовне Голицыной, к которой питал душевные чувства с раннего детства. Княжна же отвечала Бековичу взаимностью, и брак вышел весьма удачным.

К чести поручика служил России он честно и воевал храбро. Как сражение, всегда первым с саблей наголо, очертя, бросался на неприятеля. Первый бой принял Бекович под Нарвой

в 1700 году, затем участвовал в осаде и взятии крепостей Нотебург, Ниеншанц и Митавы. Ну а потом, как мы уже знаем, и в переговорах с братьями-кабардинцами отличился. Но и это не все! Летом 1711 года Бекович-Черкасский вместе со своим дядей и младшим братом возглавил кабардинское войско, которое двинулось за Кубань охладить пыл зарвавшихся ногайцев. В августе за рекой они атаковали войско хана Нурадина, из рода крымских Гиреев, и наголову его разгромили.

«Войска Нурадына салтана, в котором было пятнадцать тысяч, мы били боем и рубили саблями, в который поход ходили на Кубань с братом нашим князем Александром Бековичем. И того войска Нурадына салтана, несколько побили до смерти, иных в реке потопили, а сам он Нурадын салтан даже насилу ушел», – писали кабардинские князья царю Петру.

Данная победа окончательно ликвидировала угрозу России со стороны ногайской Кубани.

Так что формально князь Александр Бекович-Черкасский был для предстоящей миссии годен по всем статьям. И все же некоторые сомнения у Петра в отношении будущего вождя восточного похода оставались. Почему – он не мог понять и сам...

Глава вторая

Главной опорной базой будущей секретной экспедиции должна была по задумке Петра стать Астрахань.

Именно Астрахань издавна являлись главными воротами в закаспийские ханства, в богатую Персию. Астрахань – это начало и конец Южной России – дальше Каспийское море и почти полная неизвестность. Познакомимся же с Астраханью начала XVIII века поближе.

В центре города, как и положено на Руси, высился стоящий на бугре кремль, вокруг которого расположился Белый город, где особо выделялся торговый дом Демидовых – двухэтажные корпуса «на погребах», по нижнему ярусу – склады, по верхнему – жилью. Так как Астрахани набегами никто не угрожал, стены кремля и Белого города к началу XVIII века уже порядком обветшали. Для пущей важности их еще красили, но не более того.

За пределами Белого города, по южным берегам рек Кутум и Криуша, располагались многочисленные ремесленные и купеческие слободы, именуемые Земляным городом. Часть слободок находилась на островах, разделенных многочисленными протоками – ериками, густо поросшими камышом и осокой. Лес в Астрахани всегда был на вес золота, потому дома издавна строили из камыша, глины и навоза. И хотя время от времени при пожарах выгорали целые слободки, горожане всегда быстро отстраивались заново.

От сточных вод многочисленных солончаков в Астрахани всегда невыносимо смердело гнилыми испарениями, но жителям это несколько не мешало, все уже давно принюхались. Лишь купцы, возвращаясь из поездок дальних, вдохнув миазмы местные, слезились:

– Эко, отчиной пахнуло, аж горло перехватило!

По воскресеньям именитые горожане и купцы с женами и чадами катались на лодках по реке Кутум, заплывая в речку Луковку, а уже из нее в большой пруд, где купчихи рвали на букеты розовый лотос.

Астрахань была по-настоящему богата. На берегу Волги, вдоль Белого города, кипел нескончаемый базар, самый разнообразный и живописный во всей России. На базаре всегда царило вавилонское столпотворение. Кого там только не было: русские купцы, армяне и персы-гилянцы, сарты из далекой Бухары, чуваша и мордва, татары местные, и казанские, и мишарские, юртовские ногайцы, и ногайцы едисанские, карагашцамцы из Предкавказья, калмыки и кыргызы-буруты...

У каждого купца приколот ярлык с правом на торговлю. Местные приказчики строго следят за порядком, не брезгуя, впрочем, мелкой взяткой.

Чем только не торгуют в Астрахани! В овощных рядах яблоки, грецкие орехи, большие желтые дыни и соленые арбузы. Большим спросом пользовались апельсины в стеклянных банках и вяленые финики, ароматические снадобья, гвоздика и корица. В птичьих рядах помимо кур, уток и гусей продают диковинных птиц – попугаев, говорящих по-человечески, крохотных птичек размером с лесной орех, изумительного оперения, а также уморительных обезьян.

Особое царство-государство – рыбный угол. Искрятся на солнце серебром наполненные рыбой целые возы: выбирай не хочу! Здесь осетры и севрюга, сомы и щуки, сазаны и сельдь особого, астраханского залома. Чтобы севрюга и осетры долго оставались живыми, мальчишки смачивают им жабры водкой. Отдельно в траве возлежат огромные, шестиметровые, белуги, с каждой из которых доставали по двенадцать пудов икры. Поодаль в огромных корзинах копошатся раки.

Рыба в Астрахани идет на все: ее жарят, варят, сушат и вялят, ею откармливают свиней, а в холод топят печи. Из осетрового пузыря варят знаменитый на всю Русь кулук – крепчайший клей, который в Европе продают на вес золота.

Отдельный ряд – икорный! Самая качественная черная икра – зрелая, светлая и очень крупная. Добывают ее из рыбы, пришедшей на нерест в реку, именно поэтому самой лучшей считалась именно икра волжская – астраханская.

Меньше всего народу в золотых и меховых рядах, зато покупатели там все как на подбор – люди солидные и состоятельные. В золотом ряду можно найти дорогую камку – шелковую китайскую ткань с разводами и узорами – и нежнейший астраханский каракуль, тончайшую кашемировую шаль. Там же торгуют уральскими и индийскими самоцветами, а также жемчугом. Персидские купцы торговали бирюзой. Бирюза была красива, но покупали ее с опасением. Ходили слухи, что персы добывают сей драгоценный камень на старых кладбищах, а растет же там бирюза из костей женщин, умерших от несчастной любви.

Если пройти немного в глубь базара, то можно увидеть товар сибирский – мягкую рухлядь: баргузинский соболь и голубого песца, горностаю и чернобурку. Между торгующими шныряют осторожные фальшивомонетчики, стараясь сбыть персидское серебро с подмешанной в него медью. Сей промысел опасный, так как фальшивомонетчиков без всяких разговоров тащат на дыбу, но опасный бизнес все равно процветает.

На самом дальнем конце базара торгуют персидских жеребцов и черкасских кобыл, там же продают и домашний скот, и выносливых двугорбых верблюдов.

А на Волге всегда настоящее столпотворение. От Ярославля мимо Казни в Астрахань нескончаемой вереницей медленно плывут величавые и неуклюжие беляны – огромные суда, собранные на один рейс. В Астрахани беляны разбирают на бревна, из которых уже строят морские суда.

Астраханская торговля приносила государству огромный доход. Но кроме торговли город славился и своими промыслами, первым из которых по доходности был рыбный, а второй – соляной. В соляных лагунах поднимали вверх рассол, который затем выпаривали на жаре, в результате чего тот превращался в ледяные глыбы кристальной чистоты. Астраханская соль развозилась по всей Руси.

Если где тогда и делались состояния, то именно в Астрахани. Не зря в ту пору люди говорили: «Астрахань – золотое дно!»

* * *

Несмотря на все свое богатство и стратегическую важность, Астрахань не являлась губернским городом, а входила в состав губернии Казанской. Почему? Возможно, у Петра просто руки до этого не дошли. Поэтому губернатор Салтыков сидел в Казани, а в Астрахани правил от его имени обер-комендант Чириков.

Обер-комендант астраханский Чириков был человеком деловым и разворотливым, при этом подношений не чурался. На мелочь комендант не разменивался: если брал, то по-крупному. Через подставных лиц вел Чириков и собственную, в обход государства, торговлю с персами и калмыцкими улусами. При обер-коменданте состояли советники-ландрихтеры из отставных увечных офицеров: Федор Нармацкий, Ждан Кудрявцев да Степан Кашкодамов. Увечные ландрихтеры в дела обер-комендантские не лезли, довольствовались мелкими подачками и пили горькую.

Узнав о будущей экспедиции Бековича за Каспий, Чириков возрадовался. Жене своей вечером за чаем говорил мечтательно:

– Ежели у черкеса горбоносого дело выгорит, глядишь, и с хивинцами можно будет потихому поладить, а там и с бухарцами. Вот где деньги-то попрут, только лопатой гребти!

– Ой, боязно что-то мне, Михаил Ильич, – вздыхала обер-комендантша, на горячий чай в блюде дуя. – Как бы не прознал никто. Уж больно последнее время языки все пораспускали, пора бы поунять.

– Не бойсь! – кривился Чириков. – Пока я при власти, ни одна вошь не пикнет, вмиг растопчу.

– Ой, топчи-топчи их, батюшка! – закатывала глаза обер-комендантша, пробуя варенье из лепестков роз, купцами армянскими презентованное.

А вскоре появился в Астрахани и князь Бекович-Черкасский.

Между ним и Чириковым отношения с первого дня приезда не заладились. Виною тому была как горячность кабардинского князя, так и интриги обер-губернатора. При этом каждый считал себя главным и делиться властью не желал. Однако у Бековича был именной царский указ, а у Чирикова такового не было. Поэтому после нескольких стычек пришлось обер-коменданту скрепя сердце все же идти на попятную.

Несмотря на мечты Чирикова о будущих барышах, реально помогать экспедиции ни он, ни другие чиновники не спешили. Казанский губернатор Салтыков, получив письмо от царя о постройке судов для плавания по Каспийскому морю, сразу занемог и немедленно отъехал лечиться в Москву, перепоручив дела вице-губернатору Никите Кудрявцеву.

Тот перво-наперво заложил на берегу Волги верфь, куда сплавом начал доставлять корабельный лес. Первоначально строили примитивные расшивы и гортгоуты. Когда же подъехали из Петербурга посланные царем опытные корабельные мастера, то начали спускать на воду более серьезные галеры-скампаваи.

Помимо этого, поручил Петр Кудрявцеву заготовить в Казани 15 тысяч пудов соленой свинины и баранины. Для этого начали сгонять скот. Заработали скотобойни. Одновременно двинулись вдоль Волги на юг солдатские батальоны и казачьи сотни.

Первое плавание по Каспийскому морю должно было носить характер разведывательный. Предполагалось создать одну, а если повезет – и несколько небольших крепостей для будущей экспедиции.

К осени нужные суда были построены, загружены припасами и готовы к отплытию. Никита Кудрявцев, будучи человеком разумным и опытным, от осеннего плавания Бековича отговаривал:

– Зачем тебе, Александр Джамбулатович, нынче в море Каспийское соваться? Там теперь такие ветра дуют, что вмиг все перетопят. Не лучше ли до весны на астраханских харчах отсидеться, а там уже поднимать паруса!

На это Бекович был непреклонен:

– У меня указ царский, и я его исполнить должен!

– Ну, дело, конечно, ваше, военное! – уныло качал головой Кудрявцев. – Так что помогай вам Господь!

* * *

Утром 28 октября 1714 года, отслужив в Свято-Троицком соборе, что на территории кремля, прощальный молебен, флотилия во главе с Бековичем-Черкасским вышла из Астрахани. В данном случаегодились морские знания кабардинского князя, которым тот обучался в Голландии. И хотя, как мы знаем, особых успехов в них он не достиг, но кое-какое представление о делах морских все же получил, а это куда лучше, чем ничего.

Плавание виделось Бековичу не слишком сложным, и настроение было поэтому преотличным. Сидя в кресле на палубе передовой скампаваи, напевал князь свои заунывные черкесские песни да жевал водный орех-чилиим.

В дельте, в отличие от самой Волги, вода была почти прозрачной. Было видно, как у борта ходят рыбы косяки, хоть рукой черпай! Берега сплошь в непролазных камышах. Суда держали указанный ордер, да и погода благоприятствовала.

Ближайшей задачей было достижение мыса Тупкараган, вдававшегося в Каспийское море к востоку от дельты Волги. С северной стороны мыс омывал залив, принимающий в себя реки Яик и Эмба. На мысе предполагалось построить первую крепостицу, которая стала бы одним из опорных пунктов в будущем продвижении на юг Каспия.

Но хорошая погода, как и предупреждали, продержалась недолго – налетели сильные ветры, и сразу резко похолодало. Море от Волги до Яика вдоль берега в какие-то пару дней забило ледяными полями. Плыть стало не только тяжело, но и опасно. Не обошлось без потерь. Три судна с провиантом затерло в устье Яика, а еще два – в устье Терека. Из-за этого флотилия не смогла дойти даже до Гурьева. Поэтому уже 3 декабря 1714 года пришлось вернуться обратно в Астрахань.

– По морям плавать, не по горам на ишаках скакать! – злорадно констатировал неудачу Бековича в Казани Никита Кудрявцев. – Впредь будет умных людей слушать!

Под «умным человеком» вице-губернатор подразумевал, разумеется, себя.

А удрученный первой неудачей Бекович-Черкасский засел за отчеты и составление денежных ведомостей. При всей его ненависти к казенным бумагам пришлось князю выслушивать казначеев и соответствующие бумаги подписывать. Как выяснилось, неудачно плавание обошлось русской казне 34 924 рубля. За неудачу и такие траты в те годы можно было не только должности лишиться, но и тростью царской по спине огрести. Однако волновался Бекович напрасно. Петр никаких упреков ему за неудачное плавание не высказал. Бумаги отчетные прочитав, царь сказал просто:

– Большое дело начинаем, посему и потери немалые. Пусть получше готовиться к новому плаванью.

Что ж, в данном случае царь поступил разумно, ведь в столь новом и нелегком деле, которое затевалось на Каспии, издержки и временные неудачи действительно были неизбежны, главное, чтобы все поставленные задачи были решены в итоге.

Обер-коменданту Чирикову отныне было велено царем «чинить отправление во всем, чего он будет требовать, без всякого задержания».

Кроме всего прочего, к Бековичу был послан мастер горного дела немец Блюгер, который должен был, в случае необходимости, изменить русло Амударьи, когда флотилия ее устья достигнет. К немалому удивлению астраханских офицеров, основательный Блюгер привез с собой здоровенный сундук – для будущего золота...

Остаток осени, зима и начало весны прошли в приготовлениях к новому плаванью. Бекович все больше входя во вкус своих полномочий, присоединил к себе помимо всех прочих войск пять сотен яицких казаков с атаманом Зиновием Михайловым и сотню донцов с атаманом Иваном Котельниковым. Решение было весьма разумным – лишних казаков в дальних и рискованных мероприятиях никогда не бывает.

Перед самым выходом в новое плавание к Бековичу заявила делегация мангышлакских туркмен, которые дружно подтвердили возможность поворота основного русла Амударьи в Каспийское море.

– Сколько мороки с сей рекой, голова ломится! – сокрушался князь. – А ежели найдем там золото, то и вообще спать не придется!

* * *

Весной 1715 года Бекович на трех судах отправился в новое плавание вдоль восточного берега Каспийского моря с изыскательными целями. Дойдя до мыса Тупкараган на полуострове Мангышлак, он высадился и установил контакт с местным населением, причем назвавшись своим мусульманским именем Девлет-Гирей (буквально – «покоритель земель»), чем расположил к себе местных туркмен. Последние опять же утверждали, что у Амударьи действительно

есть старое русло и, чтобы вернуть ее в него, достаточно прокопать канал в полтора десятка верст. На этом цель плавания Бекович посчитал достигнутой и повернул на Астрахань.

– Теперь у меня есть чем доложить государю. Осталось лишь, подготовившись, двинуться в пески, чтобы сыскать новое течение и новое устье! – объявил он.

Вернувшись в Астрахань, Бекович хотел было той же осенью снова направиться на восток Каспия, чтобы заложить там крепостицу, но уже не успел. Ранняя зима и ледовые поля вдоль берегов вновь не позволили добраться даже до Гурьева. Потеряв во льдах пару лодок, князь вернулся в Астрахань. Царю Бекович отписал, что им завершено изготовление карты Каспийского моря и разведан путь к восточному берегу каспийскому. Получив отчет, царь остался довольным.

– Очередному большому делу пусть маленький, но первый зачин сделан! – выразился, по своему обыкновению, лаконично. – На следующий год продолжим! Самого же Бековича ко мне вызвать, чтобы я ему новые задачи поставил.

Что же, касательно привезенной Бековичем первой каспийской карты, то она надолго заняла место на рабочем столе царя...

* * *

Ну а что делает оставленный нами в петербургском трактире подштурман Сашка Кожин? Оказывается, и он без дела не сидел. Покутив с дружками в «Астерии» и посетив матушку в Вельегонском уезде (где едва избежал женитьбы на дочке соседского помещика Пипина), отправился Кожин на утлом боте вдоль шхер финских составлять карты и лоции. Все лето наносил на кроки берега да мерил лотом глубины прибрежные. Не раз пришлось и со шведами столкнуться. Было дело и до abordжа дошло, но смогли отбиться и в море уйти. За зиму вычертил подштурман карту от Выборгского залива до города Борго. Чтобы карта была красивее, Кожин ее, для пущей важности, китами с фонтанами разрисовал. Изделие подштурманское лично оценивал сам генерал-адмирал Апраксин. Карта Апраксину понравилась, но, увидев китов, нахмурился.

– А сии чудо-юдо тут к чему?

– Для красоты, ваше сиятельство, чтобы, так сказать, путь в океаны нам указывать! – пояснил глубокий смысл своего творчества подштурман.

Апраксин придумку не оценил:

– Какие тут к черту океаны, когда нам еще море Балтийское довоевывать надо!

Хотел было Кожин сказать генерал-адмиралу, что мечтать об океанах никогда не зазорно, но сдержался.

Апраксин меж тем, глаза щуря, карту просмотрел и свой вердикт вынес:

– Творение твое лично государю покажу, коль понравится, будем печатать для капитанов!

А ты куда иди и отдыхай от трудов праведных.

Петру карта кожинская тоже пришлась по нраву, причем, в отличие от Апраксина, понравились и киты с фонтанами.

– Ишь ты, – сказал, – кто к нам в теснины балтийские пожаловал. Что ж, придет время, и мы к левиафанам сами наведемся.

Подштурмана же Кожина за отличную службу велел царь произвести в чин флотского поручика.

Что ж, пока у Сашки Кожина все идет неплохо. Пусть он отдохнет пока от забот навигацких, ибо скоро предстоят новоиспеченному поручику дела поистине великие.

Глава третья

В 1716 году царь Петр решил поехать за границу. Во-первых, следовало осмотреть стоявшие в Померании и Мекленбурге войска, а во-вторых, поприсутствовать на свадьбе племянницы Екатерины Иоанновны с герцогом Карлом Мекленбург-Шверинским в Данциге, что имело значение политическое. Дорогой в Данциг Петр на неделю задержался в Либаве. Там среди старых лип и песчаных дюн он должен был принять ряд важных решений.

Меж тем с докладом Петру о результатах похода к восточным берегам Каспийского моря уже спешил капитан-поручик князь Бекович-Черкасский. В Москве он узнал, что царь отправился с вояжем в Европу и какое-то время должен быть в Риге. Однако в Риге царя Бекович уже не застал и смог догнать его только в Либаве.

С утра 25 февраля 1716 года Петр осмотрел стоявшие в Либавском порту российские корабли, а после сытного обеда с кровяной колбасой, миногами и тминным сыром в доме купца Стендера принял в присутствии государственного канцлера Головкина и командира преображенцев князя Долгорукого прискакавшего Бековича.

Вначале Петр внимательно расспросил обо всех обстоятельствах плавания по Каспию, о трудностях, лично просмотрел составленные бумаги и карты. Похвалил. Затем перешел к вопросам насущным. Задачи ставил, как всегда, быстро и конкретно:

– Ты, князь, начал неплохо, но это лишь орешки, теперь поговорим о будущих ягодках. Итак, достигнув нового русла реки Оксус, или, по-местному, Амударьи, оценишь, нет ли возможности перевести его в старое, затем поставь крепостцу на старом русле реки, где она впадала в Каспийское море. После чего склони хана хивинского к верности и подданству российскому и проси его послать своих людей вверх по Сырдарье, ранее называвшейся Сейхуном, до Эркети-городка для «осмотрения» в тех краях золота. На первые расходы даю тебе пять тысяч рублей.

Гордый вниманием царя и столь высоким назначением, Бекович-Черкасский вскричал с акцентом кавказским:

– Живот свой положу, а все сделаю!

Глядя на экспансивного кабардинца, Петр усмехнулся:

– Живот в песках дальних и дурак положить может, а вот все указанное мной исполнить и живым вернуться – дело куда как более стоящее. Крещен ты, князь, Александром, и в имени этом вижу я добрый знак! Ибо пойдешь ты путем Александра Македонского, а ежели один Искандер по пескам до самой Индии прошел, то почему и второму не повторить!

– Сделаю! – снова прокричал Бекович.

На этот раз царь уже несколько поморщился.

– Знаешь ли стольника – крещеного персиянина Михайлу Заманова? – спросил чуть погодя.

– Знаю, государь!

– Возьми его с собой в поход, он человек верткий и смысленый, полезен будет!

– Возьму, государь!

После этого царь объявил Бековича чином капитана Преображенского полка, что соответствовало армейскому полковнику, одновременно назначив его и своим полномочным послом к хивинскому хану.

Тут же, под диктовку царя, канцлер Головкин начертил указ «Об осмотре рек Амударьи и Сырдарьи и о приведении ханов Хивинского и Бухарского в подданство России». Подмахнул Петр его своей росписью, после чего канцлер, подышав на государственную печать, с силой шлепнул ею по бумаге. Готово! Все, отныне указ считается вступившим в законную силу. Беко-

вич еще не покинул Либаву, как в Петербург уже полетело указание Сенату без отговорок и задержек исполнять все запросы новоиспеченного капитана гвардии.

В Государственной посольской канцелярии для Бековича были срочно изготовлены на особой гербовой бумаге верительные грамоты к хивинскому и бухарскому ханам и к индийскому Моголу. Первые две предназначались для князя Бековича-Черкасского, а третья – для астраханского купца Семена Маленького, который должен был следовать с экспедицией и в случае ее успеха ехать далее в Индию, чтобы предъявить там образцы русских товаров Великому Моголу и склонить его к торговле. Реальный товар в Средней Азии всегда ценился выше, чем самая важная грамота, поэтому купцу всегда было легче проехать по диким степям, пустыням и горам, чем самому высокому послу.

После этого, не теряя времени, Бекович поспешил обратно в Астрахань, где помимо войск ждала его и жена с детьми.

От Либавы до Астрахани путь неблизкий. Вначале надо добраться до Москвы, где начинается Астраханский тракт, идущий через Коломну, Зарайск, Скопин, Рязск, Козлов, Тамбов на Новохоперскую крепость. Далее следовало ехать казачьими станицами на Царицын и только затем правым берегом Волги на Астрахань.

При Бековиче неотступно следовал его дворовый человек Иван Иванов сын Махов, бывший и за денщика, и за телохранителя. Иван Иванов – мужик вида разбойничьего: взгляд исподлобья, борода нечесана, сам косая сажень в плечах, кулаки с арбузы, за поясом кривая сабля и выдавший виды кистень. Бековичу Иван предан как собака: если хозяин прикажет, то и человека убьет, глазом не моргнув. Да и то в столь долгой и опасной дороге такой попутчик никогда не помешает.

* * *

Над зимней Либавой гуляли зимние ветры, а волны выносили на заснеженный берег осыпанные янтарем водоросли. Ожидая подходящую погоду для плавания в Кёнигсберг, Петр завел дружбу с местными шкиперами, коротая с ними время в ближайшем погребе, щедро угощал вином, выдавая себя за шкипера русского судна. В «Зеленой аптеке» царь впервые увидел заспиртованную гадину, выдаваемую за легендарную, не горящую в огне саламандру, о чем поспешил сообщить письмом в Москву дьяку Андрею Винниусу: «Здесь я видел диковинку, что у нас называли ложью: у некоторого человека в аптеке сулемандра в склянице, в спирту, которого я вынимал и на руках держал, слово в слово таков, как пишут». Но мысли царя занимали не только беседы со шкиперами и осмотр саламандры. Прогуливаясь по либавской эспланаде, Петр перебирал в уме, кого бы ему направить на далекий Каспий продолжить составление морских карт и далее в Индию (на успех купца Семена Малого царь рассчитывал не слишком), когда вдруг вспомнил о толковом картографе и веселом рисовальщике – поручике Кожине. А вспомнив, тут же велел вызвать его к себе в Либаву. Надо ли говорить, что вскоре поручик флота был уже в курляндских пределах. Ожидая царя в маленькой и темной прихожей домика на улице Кунгу, Кожин не верил своим ушам: явь это или сон? Сам царь вызвал его к себе для какого-то особо важного поручения. В самых смелых мечтах он не смел и думать о подобном.

Принял поручика Петр по-простому: в халате и туфлях на босу ногу. Кивнув в знак приветствия, перешел к делу.

– Вместе с отрядом капитана преображенского Черкасского надлежит идти тебе до Хивы, а далее уже тайно, под видом купца, ехать послом в Индию, – сразу же ошарашил царь онемевшего Кожина. – Там все, что можно, разузнаешь и выведаешь, дороги же положишь на карты, помимо этого визнаешь все и о присутствии купцов европейских. После чего в путь обратный. Каких птиц и зверей сможешь раздобыть в Индии, то привези с собой бережно.

– А каких зверей следует смотреть прежде всего? – поинтересовался поручик.

Петр помолчал, в углах его рта мелькнула едва заметная усмешка:

– Присмотри довольно число птиц больших всяких красивых и необычных, а именно струсов, казеариусов и прочих, так же малых всяких родов!

Далее Петр вновь вернулся к делам серьезным:

– В Балтике мы прорубили уже окно в Европу и встали на здешних берегах накрепко. Теперь настала пора рубить окно на Востоке, через ханства закаспийские до самой Индии. Тебе выпала честь и доля взять в руки сей тяжелый топор первым. Знаю, что ждут трудности преогромные, непонимание и лишения, но верю, что все преодолеешь и поручение мое исполнишь как должно.

– Исполню, государь! – только и смог произнести Кожин, потому, как ком в горле от переизбытка чувств встал.

А чтобы царь не увидел его слез, голову опустил.

Но Петра провести было не просто. Взял он поручика за подбородок, приподнял его, заглянул в глаза, улыбнулся:

– Слез впереди тоже будет много, но, надеюсь, не токмо скорбных, но и радостных!

27 января 1716 года Кожину был вручен указ об отправлении его в Астрахань для описания берегов Каспийского моря, который он должен был предъявлять всем начальствующим лицам, чтоб оказывали всемерную помощь, а также секретная инструкция из пяти пунктов о поездке в Индию, которую он не смел показывать никому.

Пункты сей секретной инструкции гласили, что должен поручик отбыть из Астрахани с отрядом князя Черкасского, а добравшись до Хивы, продолжить поездку в одиночку, под видом купца, как можно дальше на восток, разведывая караванные пути в Индию, собирая сведения о ней и составляя карты с описаниями самыми подробными. Ежели же удастся добраться до самой Индии, то должен будет Кожин там все обстоятельно выяснить и, обратно вернувшись, все царю лично доложить, подготовив карты для будущего похода армии к границам индийским. Что касается взаимоотношений с князем Бековичем-Черкасским, то в указе Кожину было велено «соображаться с описаниями Бековича, если они верны». Такая приписка пришлась поручику по душе, ибо оставляла право на определенную самостоятельность.

Помимо указа и инструкции на руки Кожину была дана и открытая охранная грамота за подписью Петра I, которая гласила: «Божиею Милостию, Мы Петр I-й Царь и Самодержец Всероссийский... объявляем... понеже мы за благо рассудили нашего морского флота офицера Кожина отправить... в Каспийское море, ради осматривания на оном хода и пристаней для путешествия подданных наших в Персию...» На обороте грамоты был сделан персидский перевод.

Наступало время конкретных дел.

* * *

В то время как Петр давал наставления поручику Кожину, новоиспеченный гвардейский капитан Бекович уже ехал к Астрахани. Прислонившись к заиндедевшему оконцу кареты, он в какой уже раз перечитывал царскую инструкцию, которая гласила:

«1). Надлежит над гаванью, где бывало устье Амударьи-реки, построить крепость человек на тысячу, о чем просил и посол хивинский;

2). Ехать к хану Хивинскому послом, а путь держать подле той реки и осмотреть прилежно течение ее, а также и плотину, если возможно эту воду опять обратить в старое ложе, устроив городок и произведя некоторые сооружения, долженствовавшие возвратить древнему Оксусу славное некогда течение его к морю Хвалынскому, а прочие устья запереть, которые идут в Аральское море;

3). Осмотреть место близ плотины, или где удобно, на настоящей же Амударье-реке для строения крепости тайным образом и, если возможно, то и тут другой город сделать;

4). Хана хивинского склонить к верности и подданству, обещая ему наследственное владение, для чего предложить ему гвардию, чтоб он за то радел в наших интересах;

5). Если он охотно это примет и станет просить гвардии и без неё не будет ничего делать, опасаясь своих людей, то дать ему гвардию, сколько пристойно, но чтоб была на его жалованье; если же станет говорить, что содержать ему её нечем, то на год оставить её на своём жалованье, а потом, чтобы он платил;

6). Если таким или другим образом хан склонится на нашу сторону, то просить его, чтоб послал своих людей, при которых и наших два человека было бы, водою по Сырдарье-реке, вверх до Эркети-городка, для осмотра золота;

7). Также просить у него судов и на них отпустить купчину в Индию по Амударье-реке, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут идти, и потом продолжал бы путь в Индию, примечая реки и озера, и описывая водяной и сухой путь, особенно водяной, и возвратиться из Индии тем же путем; если же в Индии услышит о лучшем пути к Каспийскому морю, то возвратиться тем путем и описать его;

8). Будучи у хивинского хана, проведать и о Бухарском, нельзя ли и его хотя не в подданство, то в дружбу привести таким же образом, ибо и там также ханы бедствуют от подданных;

9). Для всего этого надобно дать регулярных 4000 человек, судов сколько нужно, грамоты к обоим ханам, также купчин к ханам и к Моголу;

10) Из морских офицеров поручика Кожина и навигаторов человек пять или больше послать в обе посылки: в первую под видом купчины, в другую – к Эркети;

11). Инженеров дать двух человек;

12). Нарядить казаков яицких 1500, гребенских 500, да 100 человек драгун с добрым командиром, которым идти под видом провожания каравана из Астрахани и для строения города; и когда они придут к плотине, тут им велеть стать, и по реке прислать к морю для провожания князя Черкасского сколько человек пристойно; командиру смотреть накрепко, чтоб с жителями обходились ласково и без тягости;

13). Поручику Кожину приказать, чтоб он там разведал о пряных зельях и о других товарах и, как для этого дела, так и для отпуска товаров, придать ему двух человек добрых из купечества, чтоб не были стары».

На козлах кареты рядом с кучером по-прежнему сидел верный Иван Махов, с кривой саблей и двумя пистолетами за кушаком.

В Москве Бекович остановился отдохнуть в родном ему семействе князей Голицыных. Мчавшийся же вслед за ним поручик Кожин никаких остановок не делал, а потому волею судьбы за Москвой на занесенной снегами почтовой станции произошла их первая встреча. Увы, дружбы между обоими с первой же минуты не сложилось.

Вначале оба начали спорить, кому первому подадут лошадей. Каждый топал ногами и тряс перед другим именованным царским указом. Затем, когда наконец выяснили, кто есть кто, сразу начали спорить, кто главней. Бекович, по своему обыкновению, первым попытался нахрапом взять верх над Кожинным, заявив, что отныне тот его подчиненный. В ответ флотский поручик, не стесняясь в выражениях, сразу же поставил князя на место:

– А пошел бы ты, кабардинец, к своей матушке, а потом и далее! Не тебе, неучу морскому, мне, любимцу царскому, команды командовать! И немедля предъяви мне указ, в котором твои права надо мною прописаны!

Что и говорить, злоречив был поручик Кожин. На слова эти горячий джигит Бекович сразу же схватился за кинжал. Дернул его туда-сюда в ножнах и зловеще пообещал:

– Ну погоды! Встретэмся в Астрахани, узнаэш, кто кэм командовать должэн!

Вот так они встретились и так расстались... Отныне Бекович и Кожин останутся врагами до самого смертного часа. Впрочем, одному из них удастся все же испытать минуту торжества над другим.

Кто был прав, а кто нет в том столкновении на забытой богом почтовой станции, и сегодня сказать однозначно нельзя. Кожин полагал, что он выполняет отдельное, самое главное, задание, порученное ему лично царем. Поручик был уверен, что именно для обеспечения успеха его предприятия вообще затеяна вся история с Бековичем. Последний же был уверен абсолютно в обратном, в том, что главное дело поручено именно ему, а посему именно он должен полновластно командовать каким-то там флотским поручиком, хотя в царской инструкции относительно Кожина было сказано, что он (Бекович) может приказать ему только искать некие «пряные зелья» и не более того.

В тот же день, расставшись, оба написали по первой взаимной жалобе. Бекович жаловался, что строптивый поручик ему не подчиняются, а Кожин заявлял, что самодурства над собой не потерпит.

До Астрахани Бекович и Кожин добрались порознь лишь к середине апреля.

* * *

На этот раз первым делом Бекович решил произвести плавание вдоль восточного берега Каспия, чтобы поставить там опорные крепости, а уже в следующий поход двинуться с большим экспедиционным корпусом сухим путем прямо на Хиву. Однако, вернувшись в Астрахань, капитану Преображенского полка пришлось заниматься отнюдь не приготовлениями к плаванию, а совсем другими делами. Как оказалось, недалеко от города с начала зимы бродила орда кубанского сераскира Бахты-Гирея – давнего соперника калмыцкого хана Аюки. Но дело было не только и не столько в противостоянии двух степных ханов. Дело в том, что Аюка имел к тому времени немалые заслуги перед Петром. Калмыцкая конница безжалостно подавляла все восстания внутри государства: булавинское, астраханское и башкирское. Калмыки сражались в Северной войне, особо же отличились в битвах при Лесной и Полтаве. Среди кочевых племен Аюка слыл не только авторитетным ханом, но и настоящим батыром. Огромной силой он мог похвастать с детства, за что получил и свое имя – Аюка, то есть медвежонок. Увы, Аюка был последним полновластным степным ханом. Если в России наступало время революционных политических и военно-экономических перемен, то в Великой степи заканчивалась эпоха последних батыров...

Вот сообщение современника, которое дает некоторое представление о жизни и быте калмыков в те времена: «...Кибитки ставили обычно вдоль рек. Они имели коническую фигуру из шестов... а все сие прикрыто толстыми войлоками... Калмыки собою коренасты и чрезвычайно сильны. Лицо имеют широкое, нос плоский, глаза маленькие черные, но весьма острые. Одежда их очень проста, она состоит в кафтане из бараньей кожи, который подпоясывают они кушаком, в малой круглой шапке подбитой мехом с шелковой красною кистью... и в сапогах. Все они бреют голову, выключая одну прядь волосов, которую заплетают и носят назад. Они вооружены стрелами, саблями и копьями, коими действуют с великим проворством. Они храбры и отважны... Как они с утра до вечера на лошади, то и неудивительно им быть хорошими ездоками. Стада их состоят в верблюдах, конях и овцах...»

Что касается хана Аюки, то еще в 1710 году он обязался не только быть в послушании у русского государя, но и защищать Казань, Астрахань, Саратов, Уфу, Терский берег и все низовые города от прихода всяких неприятелей, за что Аюке обещана была царем Петром помощь против башкир, киргизов, крымцев и других соседей... Действительно, в следующем году Аюка исполнил свое обязательство. Он послал своего сына Чакдор-Чжаба с двадцатью тысячами калмыков к генерал-адмиралу Апраксину, когда тот ходил приводить в чувство раз-

бойную Кубань. Тогда калмыки погуляли на славу, забрав в плен тысячи татарских жен и детей, множество лошадей и скота. Теперь же кубанские татары пришли на Волгу, чтобы поквитаться за былые обиды.

Налет татар был, по своему обыкновению, стремителен. При этом татары не слишком разбирали, где калмык, а где русский, – грабили и гнали в полон всех, кто попадался им на пути к калмыцким улусам. При первом же известии о набеге калмыцкие семьи начали откочевывать в дальнюю степь. Но успели уйти, конечно, далеко не все. Татары доскакали до бывшей ставки Аюки Красного Яра, разорив несколько больших калмыцких становищ.

При этом они захватили кибитку самого Аюки со всем имуществом, что считалось позором для хана. Не ожидавшие столь стремительного набега, калмыки достойного сопротивления не оказали и разбежались. Сам же Аюка с сыном Чакдор-Джабой и военным советником подполковником Немковым прискакал в Астрахань под защиту стоящих там солдат Бековича.

– Бери своих солдат и гони в степь бить вероломных татар! – кричал Аюка Бековичу, нагайкой потрясая.

Бекович к стенаниям хана отнесся холодно:

– Ежели я своих солдат в степь погоню и их там перебыют, то с кем я пойду в закаспийские пески! О войне с татарами мне царем ничего сказано не было, а вот идти в земли закаспийские велено. Посему ты, хан, лучше собирай своих батыров и езжай сам защищать свои улусы!

– А, проклятый мангас – пожиратель людей! – кричал в ярости Аюка. – Я тебе это еще припомню! Еще вспомнишь старого Аюку и поплачешь слезами кровавыми!

Стеганул ногой коня и умчался в степь, только пыль столбом. Тогда Бекович над угрозами Аюки только посмеялся...

Но ускакал Аюка ненадолго. Скоро калмыцкий хан вернулся в Астрахань, где и просидел за крепкими стенами до конца татарского нашествия.

Впрочем, Бекович все же полки свои с места сдвинул и уже одним этим движением заставил кубанских татар убраться восвояси. Из донесения подполковника Немкова: «Князь Александр Бекович своим охранением стоя сам за юртами на карауле сутки, а не уступя от строя, был четвертые сутки, не имея себе малого покоя, и хан, и калмыки спасение получили им же...»

Следствием похода Бахты-Гирея стал разгром ряда калмыцких улусов и увод многих захваченных на Кубань в рабство. Историки приписывают, что данное событие явилось причиной не только некоторого последующего охлаждения хана Аюки к России, но и причиной его личной мести князю Бековичу.

Глава четвертая

С весны 1716 года в Астрахани шли приготовления к грандиозному каспийскому походу. В качестве военной силы Бековичу были выделены стоявший в Астрахани Руддеров полк и прибывший из Казани Пензенский полк. Чуть позднее из Воронежа прибыл полк Крутойрский. Эти полки, во главе со своими командирами, должны были стать основой гарнизонов будущих крепостей на восточном побережье Каспия. Казаков было решено оставить в Астрахани, так как при перевозке было бы слишком много мороки с лошадьми.

В экспедиционный отряд, помимо всех иных, были определены даже два инженера (для изменения русла той же Амударьи, если и в этом надобность станет), а также два купца-маркитанта (для неизбежных дел торговых).

Дел, разумеется, всем было невпроворот, нашлось оно и для поручика Кожина, которого Бекович привлек к подготовке судов. Дело в том, что бывшие в его подчинении реестровые капитаны Лебедев и Рентель по разным причинам оказались недееспособны: первый болел всяческими недугами, а второй находился в нескончаемом запое. Отказываться от княжеского поручения Кожин не стал, так как считал, что его участие в снаряжении судов действительно необходимо, да и в своих знаниях и силах был уверен.

Следует сказать, что объем работ действительно предстоял Кожину преогромный. Готовить флотилию следовало исходя из расчета, чтобы можно было принять на борт до четырех с половиной тысяч человек, полуторагодовой запас провианта, а также артиллерию, припасы для двух крепостей, а кроме этого, строительный лес и дрова. И все это приготовить за каких-то шесть недель.

– Поставленная вами задача почти невозможна! – гордо ответил поручик, когда Бекович объявил ему свой приказ. – Но не думайте, что русские моряки не могут сделать невозможного, а потому будет у вас через шесть недель все, что требуется!

Весь отведенный срок для подготовки флотилии Кожин практически не спал. При-ткнется где-нибудь на палубе под бортом, накинёт на себя епанчу и подремлет пару-тройку часов, вот и все. Остальное время работа, работа, работа.

Хотя большой задел в судах был уже сделан, мелкие рыбацкие астраханские верфи не могли строить суда в столь огромном количестве. Посему пришлось собирать все, что держалось на плаву, от самой Казани. Первым делом починили наиболее крупные суда будущей флотилии – четыре шнявы и три бригантины. Кроме того, привели в порядок и шесть имевшихся в Астраханском порту шхун (или, как их тогда величали, шкоутов). Еще десяток шкоутов достроили. Кроме сего, насобирали по всей Волге восемнадцать малых плоскодонных шкоутов. Особенно хороши были малые шкоуты, ранее перевозившие соленую рыбу, так как от соли корпуса их становились крепче дуба. Пригнали еще и четыре десятка старых бусов-рыбниц. На таких бусах хаживали по Хвалынскому морю еще дружинники былых эпох.

На постройку новых судов шел не самый лучший сосновый и еловый лес. А что поделаться? На верфях Кожин, правда, нашел немного крепкого персидский дуба – темир-агача, но его было слишком мало, и дубовые бревна он выделял лишь на самые крупные суда. Грамотных мастеров также не хватало, а потому многое делалось просто на глаз. Судовой набор крепили по большей части деревянными нагелями и в меньшей – железными гвоздями. Под ютом обору-довали каюты-закуты для капитанов, а в корме камбузы с русскими кирпичными печами. Чтобы мелкие суда стали более мореходными, Кожин распорядился обшивать их плоскодонные днища дополнительным деревом, крепя доски меж собой скобами. Выглядела сия конструкция не слишком эстетично и весьма неуклюже, но зато суда стали более мореходными.

В особой тетрадке Кожин высчитывал водоизмещение каждого из своих судов, определяя, как втиснуть в них тысячи людей и тысячи пудов груза. Большие трехмачтовые марсель-

ные шкоуты перевозили до 30 тысяч пудов груза, и малые крьюсельные-двухмачтовые брали до 6 тысяч. Настоял Кожин, чтобы на уходящие суда были взяты несколько корабельных мастеров и ремесленников – мало ли что может случиться в дальнем море!

В назначенное время Кожин доложил, что флотилия к погрузке людей и припасов готова. Семь с лишним десятков вымпелов стояли у астраханских пристаней, просмоленные и покрашенный, с полным рангоутом и вытянутым такелажем.

Выслушав доклад, Бекович недовольно покосился на давно не бритого поручика: мол, не антуражно. На это строптивый Кожин лишь хмыкнул. На мнение Бековича ему было наплевать, сего господина он не считал для себя авторитетом. А потому, следуя за капитаном гвардии, Кожин не без гордости любовался созданной и собранной им флотилией.

Затем Бекович устроил смотр, где с видом знатока морского дела именовал все без разбора суда бригантинами, чем вызвал за спиной смешки присланных из Кронштадта на усиление флотилии унтер-лейтенанта Давыдов и штурмана Бранда.

– Просто поразительно, что человек несколько лет в Голландии учился морскому делу, так и не выучился отличать шняву от рыбацкой лодки! – наклонившись, вполголоса говорил Бранду унтер-лейтенант.

– О, чувствую, с этим мореходцем мы еще горя хлебнем! – кивал ему в ответ штурман.

Бекович сделал вид, что ухмылок флотских офицеров не понял. При этом, если с мнением Кожина и Давыдова он все же считался (как-никак русские дворяне!), то к штурману Бранду относился с нескрываемым презрением. Дело в том, что, несмотря на заморскую фамилию, штурман был из простых калмыков и звался Отхоном, что значит «младший». С детства Отхон служил на побегушках у голландского купца Бранда, российского резидента в Амстердаме, где и выучился на штурмана. Вернувшись в Россию, был принят на флот матросом, служил весьма усердно, был замечен царем Петром и пожалован в штурманы. Несмотря на это, относительно Отхона на русском флоте ходил анекдот, что именно он являлся тем самым знаменитым «табачным капитаном» – денщиком-калмычком, который, согласно легенде, поехал с боярским сыном в Голландию и, выучившись там вместо своего барина, отличился на экзамене у Петра, который и произвел денщика в офицеры, а боярского сына-неуча отдал ему в денщики...

И вот настал день, когда все люди и припасы были погружены на суда. И после торжественного молебна, под салют пушек Астраханского кремля флотилия наконец отчалила от берега. Первыми двинулись вниз по реке самые крупные суда – марсельные шкоуты «Святой Михаил Архангел» под вымпелом самого Бековича-Черкасского, «Камель», «Александр Невский». Марсельными шкоутами командовали капитаны Лебедев и Рентель. При них состоял и штурман Бранд с несколькими штурманскими учениками. В размещившейся на «Святом Михаиле Архангеле» свите Бековича находился и персиянин Ходжа Нефес, тот самый, кто первым поднял шум вокруг золотоносных песков Амударьи.

Ветер был попутный, поэтому впереди большой мачты на больших судах подняли косые паруса: фор-стаксель и два кливера. За марсельными шкоутами следовали пришедшие из Казани бригантины, затем малые крьюсельные шкоуты. Команда крьюсельных шкоутов – полтора десятка человек. Офицеров по понятным причинам командовать туда не назначали. Хорошо, если имелся опытный квартирмейстер или старый матрос, а то определяли и вовсе местного седобородого рыбака. Замыкали флотилию утлые рыбацьи лодки-бусы. Всего шестьдесят девять судов с тремя пехотными полками – Пензенским, Крутоярским и Руддеровым, при полном комплекте штаб- и обер-офицеров.

С бортов с отходящих судов по старой морской традиции бросали в речную воду медные полушки и денежки на удачу, чтобы вернуться живыми...

* * *

15 сентября 1716 года экспедиция князя Черкасского, миновав дельту Волги, вышла в открытое море и повернула направо, напрямик к восточному побережью Каспия.

Время было уже осеннее, а значит, до ледостава на севере Каспия оставалось не так много времени. Поэтому Бекович торопился. К восточному берегу по этой причине на сей раз двигались не вдоль берега, а напрямик.

Море, как известно, не умеет молчать, а волны никогда не устают... Что касается Каспия, то он вообще штормит часто. Не зря старые моряки говорят: кто не плавал на Каспии, тот настоящих штормов не видел!

На сей раз преобладала моряна – юго-западный ветер, с которым следовало держать ухо востро. Вступая на мелководье с просторов Южного и Среднего Каспия, волны укорачиваются и становятся круче. И совсем уж беда, если штормовой ветер менял направление на обратное. В таком случае возникала настоящая толчея волн, которые в беспорядке сшибались друг с другом. Такая толчея грозила массовой гибелью судов. Надо ли говорить, что вступивший в командование флотилией Кожин дни и ночи не сходил с палубы своего шкоута.

Разумеется, что без шторма не обошлось. Поэтому солдатам и офицерам не раз пришлось кувыряться в трюмах и каютах судна, не говоря уже об изнурительной морской болезни, выворачивающей наизнанку не только желудок, но и саму душу.

9 октября флотилия достигла мыса Тупкараган (ныне Тюб-Караган), что на полуострове Мангышлак. Заметим, что Кожин оказался не только отличным картографом, но и прекрасным морским начальником. К Тупкарагану свою флотилию он привел в полном порядке – никто не утонул, никто не отстал. Благодарности от Бековича Кожин, разумеется, не дождался, впрочем, он на нее и не рассчитывал. Поручик выполнял наставление Петра и делал это так, как он умел – на совесть.

Полуостров Мангышлак, на котором предстояло возвести первую из каспийских крепостей, – это сплошная каменная пустыня, над которой в облаках вздымается плато Устюрт. На Мангышлаке начинается и заканчивается древний караванный путь к Хиве. Неподалеку на Тюленьих островах некогда было и пиратское логово мятежного Стеньки Разина. На Мангышлаке нет ни рек, ни ручьев. На Мангышлаке нет ничего, а воздух кажется пропитанным отчаянием и смертью...

Для будущей крепости отыскивали достаточно удобную бухту. Скалистый берег был мрачен – глыбы известняка и песчаника, огромные трещины, и каньоны, и камни, камни, камни...

Место для постройки крепости выбрал самолично Бекович, и выбрал неудачно – на песчаной косе. Уже с самого начала было понятно, что гарнизону будущей крепости придется тяжело. Рядом не было пресной воды, а в вырытых колодцах вода становилась соленой уже через сутки, потому солдаты принуждены были непрерывно копать и копать новые колодцы. Несколько позднее в дальнем урочище все же сыщутся родник пресной воды и даже небольшой пресное озерцо. Но воды все равно постоянно не будет хватать. Не самым здоровым был и местный климат, от которого скоро начнутся поварьные болезни.

Первый форпост России на восточном берегу Каспия назвали в честь царя – крепостью Святого Петра. Впрочем, солдаты тут же стали называть ее проще – Петровская. Под звуки полкового оркестра Бекович поднял над будущей крепостью российский триколор. Отныне отсюда должны были посылаться гонцы в Астрахань с известиями о дальнейшем ходе экспедиции. Для возведения укреплений и несения гарнизонной службы в Петровской оставили Пензенский полк под командой полковника Хрущева, а также майоров Анненкова и Соковина.

– Сколько отсюда до Гурьева? – поинтересовались у Кожина офицеры Пензенского полка.

– Ежели напрямую по морю, то 350 верст, а ежели и вдоль берега, то почти вдвое больше!

– Так что мы, почитай, оказались на острове! – мрачно вздохнул полковник Хрущев. – Чувствую, что самым счастливым днем моей жизни будет тот, когда я эти скалы навсегда покину.

Там же в Тупкарагане флотилия разделилась. В Тупкарагане оставили три больших и полтора десятка малых шкоутов, а также с полдесятка бусов для возки крепостного камня. Еще несколько старых бусов сразу же разломали на дрова. Но для начала с них выгрузили пушки, припасы и строительный лес.

Несколько судов под началом поручика Кожина отправилось напрямиком к Астрабаду для установления контактов с тамошним ханом и отправки унтер-лейтенанта флота Давыдова послом в Бухару. Бекович полагал, что Давыдов получит пропуск от астрабадского хана на проезд через его владения. Одновременно Бекович послал туркменца Ходжа Нефеса и с ним двух астраханцев – дворянина Званского и Николая Федорова – для осмотра прежнего русла Амударьи и плотины, обратившей воды этой реки в Аральское море. Местом будущей встречи был определен залив Красные Воды.

Основная же часть флотилии, под началом самого Бековича, взяла курс вдоль побережья, чтобы южнее основать еще две крепости, уже поближе к владениям Хивы. Вообще-то Петр I велел князю поставить на берегу одну крепость, но Бекович почему-то решил, что чем больше будет крепостей, тем будет лучше. Это его своеволие еще принесет в будущем немало бед.

Итак, флотилия Бековича двинулась дальше на юг, вдоль побережья Каспия.

Традиционный для этого моря утренний бриз нес с собой влажный, освежающий воздух, но каждую ночь, сразу же после захода солнца, неизменно начинал дуть береговой ветер, обдававший жаром близких пустынь.

Пройдя около сотни миль, штурман Бранд нашел весьма удобный залив в форме подковы, длиной в два десятка верст.

– Предлагаю немудрствуя лукаво именовать сию бухту Подковой! – предложил бесхитрый штурман.

– Это еще с какой стати? – неожиданно возмутился осматривавший берег в зрительную трубу Бекович. – Названия здесь даю только я! А посему нарекаю бухту Александров-бай!

– Это в честь кого? – поинтересовался Бранд, допустив непростительную ошибку.

– Это в честь меня – капитан-поручика гвардии Преображенского полка князя Бековича-Черкасского – командующего флотилией и экспедиционным корпусом, а также доверенного лица всероссийского императора государя Петра Алексеевича в каспийских и закаспийских землях и водах! – патетично заявил Бекович.

Стоявшие на палубе офицеры переглянулись. А пристыженный штурман Бранд почел за лучше переместиться на другой борт, подальше от «доверенного лица».

В бухте Александров-бай заложили еще одну небольшую промежуточную крепостицу, так же названную в честь Бековича (а как же иначе!) – крепостью Святого Александра, или попросту Александровской. Залив был весьма удобным, соединявшимся с морем всего лишь узким каналом, потому там почти никогда не было волны. Да и для обороны место было весьма удачным. Подойти к крепости можно было лишь по узкой песчаной косе, которая легко простреливалась пушками. Главным недостатком Александровской крепости, так же как и в Петровской, было почти полное отсутствие пресной воды и дров. Бекович велел копать колодцы, но вопрос водного снабжения это не решило. В Александровской осталось три роты из Риддерова полка под командой майора Павлова.

– Приказываю вам помимо укрепления обороны заниматься разведкой прилегающих стран! – велел перед убытием Павлову Бекович.

Каким образом, сидя на песчаной косе и не имея даже лошадей, можно было разведывать прилегающие страны, князь майору так и не объяснил.

* * *

Что касается поручика Александра Кожина, то он тем временем торопился на трех шкоутах в Астрабад, чтобы выполнить свою особую миссию. Ветер дул попутный, и маленькие шкоуты ходко мчали мимо безжизненных гор и пустынь закаспийских берегов. Но вот, наконец, и залив Астрабадский – большая лагуна, ограниченная от моря песчаным полуостровом. Южный берег залива был низменный и заболоченный, а северный песчаный. В северо-восточной части залива находится остров Ашур-Ада. С палуб судов была видна цветущая равнина, далее высокие горы, прорезанные ручьями. На берегу пастбища, полные коров и овец. На скорую руку Кожин положил на карту окрестности залива.

Не теряя времени, поручик выяснил и то, что сам город Астрабад обнесен глинобитной стеной с башнями и рвом, цитаделью в городе служит дворец, а улицы в Астрабаде узки и извилисты, так что пушки по ним не протащишь. От Астрабада до Хивы всего две недели караванного пути, до Бухары на неделю больше, а до Индии, через Кандагар, пять-шесть недель.

Казалось, что вопрос поездки Давыдова в Бухару не будет сложным – месяц на дорогу в обе стороны да пару недель в самой Бухаре. За полтора месяца можно управиться. Увы, могли Кожин знать, что персидский шах Солтан Хусейн уже ничего не решал. Слабый умом, он совершенно не интересовался политикой. Чтобы его не спрашивали о государственных делах, Хусейн всегда кивал и говорил одно слово:

– Хорошо!

Днем шах стрелял из лука уток, а вечерами напивался и плакал над их тяжелой участью.

– Зачем я их убил, ведь им было так хорошо!

Всем в Персии управляла его властная тетка Марьям Бегум.

– Отведите хана в гарем, может, хоть страстные утехи вернут ему остатки разума! – приказывала она евнухам, получив доклад об очередных рыданиях хана над убиенными утками.

Но даже самые изощренные танцы живота не могли отвлечь Солтан Хусейна от любимого занятия: напиваться и рыдать над загубленной дичью.

– Зачем мне жены? – вздыхал он искренне. – Мне и без них хорошо!

Надо ли говорить, что правители персидских провинций взяли большую власть и с ханом почти не считались, правя каждый сам по себе. Астрабадский наместник категорически отказался пропускать посла к хану Персии, объясняя это просто:

– Едва ваш посол за ворота Астрабада отъедет, как местные разбойники ему не только карманы обчистят, но и в куски порежут. Ну а если ему повезет и он все же доберется до Исфахана, то там с него точно с живого кожу снимут. Наш шах жалеет лишь убитых уток, а людей казнит без всякой жалости, в том числе и неприглашенных послов. Так что вам проще будет прямо здесь отрубить своему посланцу голову, чтобы избавить его от будущих мучительств.

Опечаленному неудачей своей миссии, Давыдову Кожин передал этот разговор так:

– Ты, Петя, не ругать, а молиться за меня должен, ибо я спас тебя от гибели неминуемой и страшной. Знаешь ли, как ханы азиатские с неугодными послами поступают?

– Как? – с испугом спрашивал его Давыдов.

– Живьем сдирают шкуру, а потом, коль еще трепыхаться будешь, натирают солью!

– Спаси и сохрани! – перекрестился Давыдов. – Слава Богу, что уберегли меня, Александр Васильевич, от гибели страшной!

Потеряв несколько дней в бесплодных ожиданиях, Кожин приказал пополнить запасы пресной воды и качестве мести за несговорчивость астрабадского правителя, настрелять на мясо нескольких коров на берегу. После этого, подняв в паруса, его маленький отряд взял курс

на Красные Воды, где год назад Бекович якобы нашел старое русло Амударьи. За пять дней суда Кожина прошли около восьмисот верст.

Кожин был прежде всего гидрографом и картографом, а потому не мог не завернуть к знаменитому таинственному Узбою, чтобы лично разобраться с легендой о старом русле Амударьи.

Узбой представлял собой остатки русла высохшей древней реки, протянувшейся от Сарыкамышской котловины до Каспийского моря, длиной более пятисот верст. Когда-то по этому руслу действительно текла Амударья, но было это так давно, что об этом никто и не помнил. Да и люди к изменению русла никоим образом причастны не были. Изменился климат, повернула в другую сторону и Амударья.

Но обратному пути Кожин тщательно осмотрел берег в районе предполагаемого старого русла, лично облазил прибрежные овраги, замерил горизонты ватерпасом – особым брусом со стеклянной водяной ампулой.

Вывод Кожина был грустным, но обоснованным:

– Никакого свежего речного русла здесь нет и во помине. Ежели и считать здешние овраги остатками реки, то сия река протекала здесь в столь древние времена, о которых помнят разве что Адам с Евой. Посему никакой плотиной никакие ханы ничего не перегораживали, а воды ушли от здешних берегов единственно по причине древнего землетрясения. Вернуть посему обратно воду представляется возможным лишь после нового землетрясения, коль на то будет воля Господа, и никак иначе.

– К сожалению, все обстоит так, как мы и думали, – чесал затылок неудавшийся посол унтер-лейтенант Петя Давыдов, облокотясь на фальшборт. – На поиски сей лживой реки, которая существует лишь в перевозбужденном уме нашего князя, мы потратили уйму драгоценного времени, и все без толку!

Но делать было нечего, бросив якоря, шкуоты Кожина уныло качались на волнах в ожидании подхода главных сил флотилии.

* * *

Между тем флотилия Бековича покинула Александровскую крепость и взяла курс далее на юг, к урочищу Красные Воды.

На этот раз проплыли совсем рядом от спрятанного между высокими барханами узкого пролива в таинственный залив Кара-Богаз-Гол, что в переводе означает «Черная пасть». Заходить и исследовать огромный и загадочный залив не было времени, но и то, что успели видеть, впечатляло. Даже простым взглядом было видно, как стремительно уносятся в жерло залива потоки воды, словно некто их туда жадно засасывал. Подле бурлящего потока неистовствовали жирные тюлени и огромные, в две сажени, белуги, истребляя стаи мелкой рыбы. Над прибрежными барханами, кое-где поросшими верблюжьей колючкой и тамариском, висел густой купол багровой мглы, напоминавший дым пожара, пылавшего над пустыней.

Всезнающий штурман Бранд, щуря на солнце и без того узкие глаза, рассказывал офицерам о страшной легенде, сообщенной каспийскими мореходами, будто на дне Кара-Богаз-Гола находится страшная дыра, ведущая в неведомую пропасть, куда гигантской воронкой и уходит морская вода, увлекая за собой суда и людей. Особо впечатлительные, слушая штурмана, крестились:

– Свят! Свят! Свят!

Не обошлось без потерь. В один из дней флотилию настиг сильный северо-западный ветер, прозванный русскими мореходами «Егор сорви шапку», быстро переросший в сильный шторм, разбивший о берег несколько шхун и с десятков бусов. Людей и большую часть грузов все же удалось спасти.

20 октября достигли залива Красная Вода, где Бекович заранее решил основать крайнюю приморскую крепость. У полуострова Дарган князь приметил бухту, далеко простирающуюся в твердую землю с северной стороны полуострова, приняв ее за пролив, а полуостров за остров. Выбор Красной Воды был не случаен, ведь согласно расчетам князя, неподалеку было старое устье Амударьи.

Вдоль побережья Красных Вод сплошь безжизненные песчаные холмы, дальше горы. Местами на поверхность выступали беловатые пятна солончаков, и при всем этом не имелось даже признака зелени. Общий вид был на редкость уныл и безрадостен. Ежедневно под вечер на глади залива появлялась мелкая зыбь, делаясь все больше и больше – это из горного ущелья на простор Каспийского моря вырывался горный ветер.

С флагманского шкюута были видны только песчаные дюны и горы. Это князя обрадовало.

– Без песка реки не бывает! – заявил он многозначительно.

Едва с суда начали сгружать солдат и грузы, нетерпеливый Бекович с братьями снова отправился искать устье золотоносной реки. Надо ли говорить, что если что-то очень хочется отыскать, то оно всегда отыщется. Уже через день князя известили, что старое русло Амударьи найдено. Бекович поспешил лично увидеть находку. И точно, совсем рядом с берегом расположились несколько глубоких оврагов, на дне которых сыскалась целая горсть морских ракушек. Бекович сунул ракушки в карман. Все! Старое русло он видел своими глазами, а карманы полны доказательств. Это значит, что совсем недалеко за барханами течет и новое, перегородженное плотинами русло загадочной реки.

– Нахождение здесь Амударьи можно считать доказанным! – пафосно объявил кабардинский князь. – Хивинцы отвели русло к себе, но я в следующем году верну его в старое ложе, после чего мы будем черпать золото лопатами!

Речь азартного князя, однако, особого энтузиазма ни у кого не вызвала. Ошибся в своих оценках Бекович, или это был намеренный обман, так и осталось неизвестным. Кстати, Кожин однозначно посчитал, что это был сознательный обман.

На берегу Красной Воды была заложена третья крепость – Красноводская. От крепости Красноводской до предыдущей Александровской по морю выходило ровно триста верст.

Встретившиеся с Бековичем, Кожин и Давыдов доложили, что Давыдова не впустили в Астрабад по случаю бывшего тогда бунта в Персии (так, по крайней мере, мотивировал свой отказ астрабадский наместник). Как и можно было предположить, разговор между Бековичем и Кожиным проходил на повышенных тонах. Оба не забыли старые взаимные обиды. Бекович, разумеется, был раздражен невыполнением поручиком своего поручения. Все доводы Кожина он отвергал категорически, грозя арестом. Еще большее раздражение Бековича вызвал доклад Кожина о том, что никакого свежего заброшенного русла на берегу Каспия нет, а есть остатки очень древней реки, следовательно, нет и никакой мифической плотины, это русло перекрывшей.

Несмотря на все аргументы флотского поручика, кабардинский князь остался уверенным в том, что река была совсем недавно отведена узбеками и что он непременно откроет это, когда следующим летом пойдет из Астрахани с казаками и драгунами сухим путем мимо Аральского моря. Что касается Кожина, то с ним надлежит разобраться по всей строгости за его дерзость и своеволие после возвращения в Астрахань.

– Почему не отправил Давыдова к хану астрабадскому? – топал ногами рассерженный Бекович.

– Сей вопрос не ко мне, а к хану, который отказал в пропуске посла по причине происходящего бунта в Персии, – в который уже раз повторял поручик. – Да и в Бухаре, если верить правителю астрабадскому, Давыдова не ждет никто, кроме палача.

– А почему я об этом ничего не знаю? – ярился Бекович.

– Это как же я тебе об этом мог сообщить, чайку, что ли, с запиской послать? – искренне возмутился Кожин. – Да и мои полномочия никак не меньше твоих, а потому я нынче сам себе голова!

Схватился в ярости Бекович за свою кавказскую саблю, но в последний момент рубить голову поручику все же передумал. Кто его знает, может, и на самом деле царь ему какую-то секретную бумагу дал. Лишишь такого головы, а потом самого на дыбу потащат. Бросил саблю в ножны, выругался и выскочил из каюты наверх, чтобы на свежем воздухе охолониться.

Всем происшедшим был удручен и Кожин. Ведь это ему, а не Бековичу царь велел в будущем, после обнаружения плотины Амударьи, отделиться от основного отряда и следовать в Индию. Теперь же по его изысканиям получалось, что Амударья вообще никогда в обозримом прошлом не втекала в Каспий и в ближайших пустынях ее нет, а течет река неизвестно где и неизвестно куда. Все изначальные умозаключения, рассчитанные именно на поиск на берегу Каспия устья Амударьи, рухнули, как карточный домик.

Что касается Кожина, то он во время перепалки фактически обвинил Бековича в преднамеренном обмане. Ну, а для чего ему обманывать? Да для того, чтобы погубить затеянное царское дело. Отсюда вывод – Бекович изменник! Надо ли говорить, что отношения между двумя доверенными лицами Петра обострились после этого до крайности. Впрочем, понимая сложность ситуации, оба эмоции свои все же сдерживали.

А неделю спустя появился в Красных Водах и посланный из Тупкарагана туркмен Ходжа Нефес с сопровождавшими его астраханскими дворянами Званским и Федоровым. Астраханцы объявили Бековичу, что Ходжа Нефес по прибытии на урочище, находящееся в двух верстах от Амударьи, привел их на земляной вал вышиной в полтора аршина, шириною в три сажени, а длиною пять верст, устроенный хивинцами будто бы для обращения Амударьинской в Аральское море, но сама река почему-то к валу вплотную не походит, поэтому однозначно сказать, плотина это или не плотина, сложно. Местные же жители ничего об этом также не знают и не помнят. Далее, по рассказу, Ходжа Нефес и его спутники поехали по караванной дороге из Астрахани на Хиву и на одиннадцатый день пути достигли реки Карагач – притока Амударьи. Не доезжая до реки Карагач, они видели развалины двух древних городов, лежавших поблизости от пресного озера. Но плотины, преграждавшей путь Амударье в Каспийское море, не видели и там. Проехав далее по земляному валу и степью еще двадцать верст, они прибыли к древнему руслу Амударьи, по которому ехали три дня до урочища Ата-Ибраима, где нашли мечеть и кладбище. На обоих берегах старого русла разведчики Бековича видели развалины прежних жилищ и следы проведенных к ним канав-арыков, но не более того. Дальше Ата-Ибраима они ехать уже побоялись, опасаясь погони хивинцев, а повернули прямо на Красные Воды.

Желая иметь достоверные сведения о существовании этого русла, князь Черкасский хотел было послать астраханского дворянина Тарасовскому с проводниками-туркменами осмотреть старое русло от Каспийского моря до урочища Ата-Ибраима, но туркмены дружно заявили, что ехать туда не желают и дорогу не покажут. Сколько Бекович с ними ни бился, сколько ни пугал, они так и не согласились.

К сожалению, и место для третьей крепости, как и для предыдущих, было выбрано Бековичем на редкость неудачно – от стоячей соленой воды шло испарение, делавшее местность нездоровой, к тому же ощущалась нехватка пресной воды, да и поблизости не было ни травы, ни леса. Окончание строительства и защита этого укрепления были поручены барону фон дер Вейдену. Вместе с ним тысяча солдат из полков Крутоярского и Руддерова. Опытный полковник начал строить крепость по всем законам фортификации с кронверком, рвом и валом. На валу выставили пушки. Однако с первого дня в гарнизоне начались болезни, которые затем только множились и множились. Пришлось думать уже не только о госпитале, но и о кладбище...

После этого сам Бекович с оставшимися при нем Астраханским и Азовским полками, частью артиллеристов и морской командой, снятой с судов, решил возвращаться в Астрахань сухим путем – плыть по морю было уже слишком опасно. Перед самым отъездом Бекович приказал полковнику ежедневно посылать к оврагам солдат искать золото. Фон дер Вейден на это уныло кивал.

За день до выступления на север Бекович послал в Хиву двух своих послов – дворян Ивана Воронина и Алексея Святова – с письмом к тамошнему хану. Воронин со Святовым получили наказ «расположить в свою пользу хивинских сановников», для чего им были даны товары, предназначенные «в подарки». Они должны были уведомить хана, что князь Черкасский собирается ехать в Хиву послом; в то же время им вменялось в обязанность присылать с купеческими караванами донесения о том, что происходит в Хиве и окрестностях – что слышно, что видно, о чем можно догадываться.

* * *

Итак, покинув Красноводскую крепость, Бекович с основной частью экспедиционного отряда отправился сухим путем через Гурьев в Астрахань. Путь неблизкий и не самый легкий, но другого выхода не было – возвращаться морем из-за льдов было уже невозможно. Суда пока оставили при крепости. В Астрахань шли двумя отрядами. Авангардом командовал поручик Кожин, за ним двигался сам Бекович-Черкасский с остальными людьми. Возле Александровского укрепления оба отряда соединились. Увиденное в Александровской крепости не внушало оптимизма. Гарнизон были выкошен болезнями. Около крепостных стен выросло целое кладбище. В Петровской картина предстала еще более ужасной. На наскоро устроенном кладбище стояло уже более сотни крестов, да еще семь сотен солдат и казаков валялись в горячке в палатках и землянках.

– Здешний климат не предназначен для европейского человека. Он то жарок, то холоден, – доложил в ответ на оскорбления Бековича в нерадении комендант Петровской крепости полковник Хрущев.

– И это все?

– Увы, остальное довершает плохая еда и еще более плохая вода!

Мы не знаем, переживал ли Бекович по этому поводу, знаем только, что никаких реальных мер по исправлению ситуации он не принял. Впрочем, при исполнении царских указов в России с такими «мелочами», как потери среди солдат, никогда особенно не считались. Поэтому Бекович даже не задумался отдать приказ оставить сие погибельное место.

В Астрахань Бекович прибыл 20 февраля 1717 года. Конвой его состоял из сотни солдат и 60 туркмен. С остальной частью отряда позднее подошел и Кожин.

Вернувшись на зимовку в Астрахань, Бекович немедленно отписал в столицу во всех подробностях о всем им проделанном за минувший год, не забыв несколько раз лягнуть и строптивного флотского поручика. Итог экспедиции 1716 года был таков: в результате плаванья вдоль восточного берега Каспийского моря были заложены три крепости (Святого Петра у мыса Тупкараган, Александровское в заливе Александр-бай и Красноводская), подчинены России кочевые туркмены, проживавшие на восточном берегу Каспийского моря, впервые на карту положено «Море Карабугазское» (Карабогазский залив), а также составлена первая генеральная карта всего Каспийского моря. Что касается дипломатии, то если посланец в Бухару так и не добрался, то миссия, выехавшая в Хиву, достигла места своего назначения, что позволяло надеяться, что хивинский хан Шергази принял заверения дружбы и согласия. Примерно с таким же содержанием было отправлено письмо и бухарскому хану.

Едва письмо Бековича достигло Санкт-Петербурга, как немедленно засуетились европейские послы, понимая, что новости о продвижении русских в сторону Индии будут весьма

востребованы в европейских столицах. Из донесения голландского посла барона де Би к Генеральным штатам Соединенных Нидерландов из Санкт-Петербурга от 4 марта 1717 года: «Мне рассказывали, что один русский офицер Александр Бекович, работавший над расчисткой устьев реки Амударьи (впадающей в Каспийское море), успел проникнуть в нее с несколькими мореходными судами, но что при дальнейшем следовании по ней сбился с ее фарватера и потерпевши со своими людьми большое бедствие от недостатка в съестных припасах, едва успел возвратиться в крепость, которую он построил при впадении реки в море».

Россия еще не сделала ни одного шага в сторону Индии, но одно то, что она повернулась лицом на Восток, уже встревожило европейские дворы...

* * *

Между тем посланные еще до отплытия флотилии в Хиву дворяне Воронин и Святос с огромным трудом пробивались сквозь сугробы и метели по зимней степи к далекому ханству. Не выдержав ненастья, выбился и пал верблюд Святоса, и оставшуюся часть пути он брел уже пешком, так как остальные верблюды были загружены вьюками. Да Хивы посланцы Бековича добрались в середине февраля.

– Где живет Кулун-бай? – спросили они стражников у ворот.

Имя верховного визиря произвело должное впечатление. Стражники подозрительно оглядели замерзших и смертельно уставших путников.

– Кто такие? Откуда и куда? – спросили традиционное.

– Купцы из Гурьева, к великому визирю.

– Купцам на торговый двор, а не к визирю! – нахмурились стражники.

– У нас дело особой важности от князя русского из Астрахани! – привел более чем весомый аргумент Святос.

После этого стражники указали наконец дом визиря.

Кулун-бай неожиданным гостям был не слишком рад.

– Не те времена нынче, чтобы из Руси к нам ездить, – были его первые слова.

– Что-то случилось, досточтимый? – удивился Воронин.

На это великий визирь просто махнул рукой, а затем обо всем подробно расспросил. Когда же узнал, что будущее посольство Бековича будут охранять несколько тысяч солдат, помрачнел:

– Речь ваша сладка, но в ней меньше силы, чем у соломы. Зачем такая охрана мирному послу?

– От разбойных людей, которые немало бродит на окраинах наших царств, – дипломатично ответили Воронин со Святосым.

– Мы и сами можем послать батыров, чтобы охраняли досточтимого князя! – парировал Кулун-бай. – Стоит ли мучать ваших аскеров таким тяжелым путешествием?

– Увы, мы лишь посланцы посла, – деликатно ушли от ответа Воронин со Святосым. – Князь Черкасский просил нас лишь передать вашему величию свои пожелания в здоровье и процветании. Мы сие исполнили. Теперь пора и в путь обратный.

– Э, нет! – недобро усмехнулся визирь. – Времена нынче в степях, сами говорите, неспокойные, да и метели снежные. Поэтому лучше подождете вашего князя у меня. И вы целее будете, и я спокоен.

Посланцы нервно переглянулись, понимая, что отныне становятся заложниками.

– У бегущего вора одна дорога, у тех, кто за ним гонится, – тысячи! – уже совсем иным тоном завершил беседу великий визирь. – Вас будут сытно кормить и сладко поить! По крайней мере пока...

Дорогие подарки, впрочем, Кулун-бей с удовольствием принял и письмо от Бековича обещал хану передать. Сам же гонцам было велено из его дома никуда не выходить и сидеть под запором.

Единственно, с кем удалось встретиться Воронину со Святовым, – это с калмыцким послом Ачиксаеном-Кашкой. Тот сообщил русским, что в городе неспокойно, а русских все клянут и грозят войной. Сам же Аюка враждовать с Хивой, в отличие от Бековича, не желает, а потому и прислал к хану своего посла, чтобы договориться о вечном мире.

В неведении минуло две недели. Но когда Воронин заикнулся при встрече Кулун-бею, будет ли ответ на привезенное письмо, тот разозлился и велел приставить к русским стражу.

– Ну все, кажись, мы теперь уже даже не аманаты, а арестанты! – сокрушался Воронин. – Коль один басурманин кавказский шлет письмо другому басурманину заморскому, то за что нам, людям православным, от сего страдания принимать?

– Не будем злить судьбу, – невесело усмехнулся Святов. – По крайней мере, пока кормят и руки не выламывают.

После этого оба предались страстной молитве за спасение из рук агарянских.

Между тем приставленный к гонцам старший стражник-мехмандр открыто вымогал подарки, грозя в противном случае кормить отбросами.

– Ты у нас смотри, – стращали его наши. – Сразу расскажем хану и визирю!

На что мехмандр плевался нехорошо:

– Я никого не боюсь, ни хана, ни Кулун-бея, потому как моя мать – сестра матери самого хана и он относится ко мне как к младшему брату.

Погоревав (а что поделать?), отсыпали гонцы мздоимцу десять рублей серебром, но все равно мехмандр кормить стал очень скудно.

Так и сидели Воронин с Святовым взаперти, смотрели через окошко на синее небо и печалились, что «обратного пути для них и в помине нет».

Впрочем, затем стало несколько повеселее. По просьбе ханских вельмож стал мехмандр водить гонцов к ним в гости для разговоров и расспросов. Расспрашивали вельможи хивинские о России и царе Петре, о его войне со шведами и о новой столице на Неве, о торговле астраханской, но более всего о Бековиче и его войске. Воронин с Святовым что-то говорили, а где-то прикидывались простаками: мол, ничего не знаем, не нашего, мол, ума дело. Влиятельный Досун-бай, не получив ответы на интересовавшие его вопросы, кричал гонцам:

– Для чего русские города строят на чужой земле? Разве после этого можно жить в мире?

Говоря о городах, Досун-бай явно имел в виду крепость в урочище Красные Воды. Злились хивинцы и на туркмен, почему те дают русским проводников до Хивы и вообще почему помогают.

Даже те несколько раз, когда провозили Воронина со Святовым по улицам, видели они, как в Хиве появилось много воинов – кайсаков, узбеков и каракалпаков. Шергази явно собирал большое войско. Как проговорился в одном из разговоров мехмандр, скоро войско выступит в поход и встретит гяуров в безводных местах огромной силой. Единственное, что удалось Воронину со Святовым, так это передать подробное письмо обо всех своих злоключениях Бековичу с калмыком Ачиксаеном-Кашкой. В письме они написали о причинах своего задержания и вообще о положении дел в Хиве. Особо отметили неудовольствие хана от ожидаемого вооруженного посольства Бековича: «И в Хиве опасаются и помышляют, что-де эта не посол, хотят-де обманом нам взять Хиву».

Ачиксаен-Кашка слово сдержал и письмо в Астрахань Бековичу передал. Но тот, послание прочитав, лишь посмеялся:

– Когда хан хивинский увидит мои пушки, он сразу сменит тон и склонит голову. Все его угрозы не стоят и ломаной полушки.

Что ж, у князя Бековича-Черкасского было немало пороков, но самым страшным среди прочих была гордыня. Именно она и станет причиной всех его будущих бед...

Глава пятая

Что касается поручика флота Александра Кожина, то прибыв в Астрахань, он принял команду над двумя скампавеями и несколькими малыми судами, чтобы произвести новую опись берегов Каспийского моря.

Однако уже перед самым выходом в море он неожиданно получает новое предписание царя Петра: «Если отпустит капитан гвардии Черкасский, ехать водою Амударьи рекою (или иными, кои в нее упали)... до Индии». Но Петр был нетерпелив, а потому столь неожиданно переменял первоначальный план. Если ранее план Петра относительно Кожина был таков: поручик должен был следовать с отрядом Бековича до Хивы, затем с рекомендательным письмом хивинского хана под видом купца добраться до Эркета, где его бы уже ждал отряд и 35 купцов, посланных сибирским губернатором князем Гагариным. После этого, объединив купцов в караван, Кожин должен был добраться с ним до Индии. Теперь же он должен был идти до Амударьи, а далее, уже по реке, самостоятельно двигаться в направлении Индии.

Получив новое приказание, Кожин решает не отвлекаться на тщательное картографирование побережья Каспия. Тогда же заезжавший в Астрахань всезнающий хан Аюка поведает Кожину, что получил извещение, будто в Хиве нежданного посла Бековича и всех, кто с ним придет, будет ждать плаха с топором.

А вскоре Кожину пришло и письмо от генерал-адмирала Апраксина. Тот писал строптивому поручику: «По прибытии в Астрахань поступить в команду князя Черкасского», но при этом сосредоточиться только на своем секретном задании. Дальнейшую же картографию передать князю Урусову с поручиком Травиным. Кроме того, этих двоих, а также всех остальных находящихся в Астрахани флотских офицеров переподчинить Бековичу.

Кожин долго вертел в руках генерал-адмиральское письмо. И так думал и этак. Наконец решил: коль он обнаружил обман Бековича с устьем Амударьи, значит, тот не только обманщик, но и изменник. Ну а приказы изменника исполнять никак нельзя. Посему он их исполнять и не будет, а о причинах своеволия опишет подробно и Апраксина, и государю. Те его, конечно же, поймут. Не откладывая в долгий ящик, сразу же и отписал генерал-адмиралу.

Письмо Кожина Апраксин получил уже в августе, крейсируя посреди Финского залива на линейном корабле «Ингерманланд». 64-пушечный флагман держал курс к острову Борнхольм, где Балтийский флот должен был продемонстрировать шведам свою мощь и, может, а если повезет, вызвать их на генеральный бой. Оставив шканцы на капитана Госслера, генерал-адмирал большую часть времени пребывал в салоне, разбирая накопившиеся бумаги. Дошла очередь и до дел астраханских. Прочитав текущую почту о препирательствах Кожина с Бековичем по устью Амударьи, Апраксин, повздыхав (вот ведь не живется людям мирно!), затребовал себе карты Бековича и Кожина, чтобы уже самому разобраться в том, кто говорит правду, а кто врет.

За резными окнами адмиральского салона широко гуляла свинцовая балтийская волна. Скрипя деревянными шпангоутами, «Ингерманланд» впервые держал курс в открытое море. Российский флот выходил из теснин Финского залива на оперативный простор.

Тем временем в Астрахани все не унимались. Вернувшийся туда к зиме известный интриган персиянин Заманов доложил Бековичу:

– Ваше высочородие! Должен известить вас, что на самом деле несносный Кожин отчудил в Астрабаде и из-за чего посла нашего местный хан в Исфахан не пустил?

– Что же? – сразу придвинулся заинтересованный доносом Бекович.

– Дело в том, что астрабадский хан по прибытии в его гавань судов каспийской экспедиции выслал навстречу русским своих людей, чтобы те проводили их в город, где намечался богатый прием. Но Кожин ни сам с ними не поехал, ни бывшего при нем унтер-лейтенанта Давыдова не отпустил. А затем, внезапно напав на пасшееся близ берега стадо буйволов, часть

из них перестрелял, после чего забрал несколько туш на борт и с этой добычей удалился в море. Ну не сумасшедший ли?

На Бековича рассказ Заманова произвел должное впечатление:

– Знал я, что Кожин – человек без узды и чести, но нынче он, кажется, совсем взбесился!

Да и на самом деле, как можно объяснить поведение Кожина? Тебя хан к себе на пир призывает, уже и плов бараний приготовили и гурии сажей брови подвели, а этот вдруг коров из ружей разбойничьих настрелял и был таков. Но не будем торопиться. Разумеется, «бешенство» Кожина, о котором поспешил известить всех Бекович, здесь ни при чем. Начнем с того, что Кожин просто вообще не доверял азиатским ханам и астрабадскому в частности. Ну а посылать Давыдова в Персию после предупреждения о его неминуемой казни было бы подлостью по отношению к боевому товарищу.

Кроме этого, все сказанное астрабадским наместником подтвердил и встретившийся с Кожиним многоопытный калмыцкий хан Аюка. Так что в своей правоте Кожин был уверен полностью. Ну а прав ли в действительности был флотский поручик или нет, покажут нам трагические события следующего, 1717 года...

* * *

А вскоре в Астрахань приехал и сменщик Кожина на должности картографической – поручик флота Травин. Этот был парень тоже себе на уме. Осмотревшись, он взял в руки гусиное перо, придвинул лист бумаги и начал строчить доносы, причем как на Кожина, так и на Бековича. Первого он обвинял в том, что тот отказался передать свои картографические наработки, а Бековича – что тот не дает ему морских служителей и знающих кормщиков для описи берегов.

Вообще в зиму 1716/17 года из Астрахани взаимные доносы летели непрерывно. Если Бекович в своих письмах сообщал, что Кожин просто взбесился, то сам Кожин извещал большое начальство в том, что Бекович совершенно обезумел, ничего и никого слушать не хочет и собирается свершить такое, что непременно погубит и людей и все порученное ему предприятие.

Не слишком соблюдая субординацию, Кожин говорил во всеуслышание:

– Показания по старому руслу Амударьи не точны, саму реку в красноводских песках никто никогда не видел, как никто не видел и мифической плотины, «запирающей» Аму. Все суждения были основаны на рассказах неграмотных и склонных к лукавству туркмен. Отведенное русло реки от начала и до конца выдуманно Бековичем, чтобы обмануть государя нашего Петра Алексеевича из соображений самых корыстных и преступных! А все карты князя кабардинского просто грязная подделка. Ни на что не годны, только ими подтереться!

Когда доброхоты рассказывали Бековичу о таких высказываниях Кожина, тот аж за кинжал хватался:

– Зарэжу!

А рядом уже хватался за саблю и верный телохранитель Иван Иванов сын Махов...

Впрочем, флотский поручик тоже был строптив без меры. Посланный в Персию князь Артемий Воротынский писал о нем так: «Кожин этот такие безделицы и шалости делал, что описать нельзя, и почитает сам, что он у государя первая персона, и сам себя так показывает».

Порицал Кожин и выбор мест для построенных князем приморских крепостей. Дело в том, что, как мы уже говорили выше, Петр приказал Бековичу построить на берегу Каспия не три, а всего одну крепость, и построить ее так, чтобы именно через нее начинать поход на Хиву. Сосредоточив отряд в приморской крепости, можно было затем коротким броском достичь Хивинского оазиса и продиктовать свою волю тамошнему хану. Но Бекович (по совершенно непонятной причине!) поступил иначе. Вместо одной он потратил все силы и средства

на строительство трех крепостей. Две из которых были совершенно не нужны. Да и одну нужную, в Красных Водах, совершенно никак впоследствии не использовал. Мало того, он загнал в эти никчемные крепости почти всю свою регулярную пехоту – главную ударную силу экспедиционного корпуса, которая впоследствии будет там бессмысленно загублена. Однако, когда из Петербурга потребовали разъяснений относительно постройки трех крепостей, Бекович-Черкасский заявлял, что места для крепостей выбрал, доверившись именно совету Кожина. Это была, разумеется, явная чушь. Но поди разбери из Петербурга, кто там в Астрахани врет, а кто говорит правду?

В конце концов взаимные кляузы так достали петербургское начальство, что их просто стали складывать «под сукно». И зря! Среди массы безосновательных попреков были и вполне разумные предостережения о надвигающейся катастрофе... Например, генерал-адмиралу Апраксину поручик Кожин с тревогой неоднократно писал, что предстоящий поход на Хиву готовится без надлежащей секретности: «Хивинцы и бухарцы узнали наши пути и собрались против нас войной... Чего хотим искать, не тайна ни для кого, и тайного нет ничего». Помимо этого, Кожин откровенно писал в Сенат, что войско под началом столь безграмотного и упрямого предводителя, как Бекович, обречено на верную гибель.

«Идти под командой Черкасского плутать и воровать не желаю», – черкал он в сердцах гусиным пером. В свою очередь Бекович доносил, что безумный поручик ему «пакости великие делает». А в один из дней между преображенским капитаном и флотским поручиком произошел еще один скандал, после которого Бекович распорядился верным джигитам отрезать флотскому уши. Не дожидаясь расправы, Кожин предпочел на время скрыться. Впрочем, абреки Бековича были лишь предлогом. В такое трудно поверить, но одно доверенное лицо российского царя, из опасения за свою жизнь, было вынуждено прятаться от другого, столь же доверенного лица. Тут уж действительно умом Россию не понять...

По всей видимости, Кожин все же не столько боялся за свою жизнь, сколько ждал отправки экспедиции, в которой откровенно не желал участвовать, считая ее обреченной не только на неудачу, но и на гибель, а кроме этого, ждал ответа из Петербурга на свои обличительные письма. Заметим, что, когда Кожин, размахивая письмами Петра, врал в Астрахани о том, что Петр и сам скоро приедет в Астрахань и будет тут зимовать, он всего лишь опережал события лет на 6–7.

Гром грянул, когда пришла пора отправляться экспедиции из Астрахани в Гурьев, чтобы оттуда сушей уже идти на Хиву. Князь Бекович-Черкасский писал Петру 4 апреля 1717 года, что поручик Кожин отказался ехать «за умалением денег, данных ему из Сената» и вообще скрылся в неизвестном направлении со всеми данными ему деньгами.

Теперь дело приняло для Кожина совсем плохой оборот, так как его обвинили уже не только в зловредных кознях, но в измене и бегстве с казенными деньгами. Через третьих лиц Кожину передали, что Бекович хочет его арестовать за неподчинение приказу и отправить в кандалах как государственного преступника под конвоем в Петербург. Тогда Кожин для виду смирился и обещал через тех же третьих лиц быть к отплытию, но этим ограничился. Из своего убежища он так и не показался.

При этом поручик продолжал во всеуслышание поносить Бековича. И если кто-то назвал кабардинского князя сумасшедшим, то Кожин открыто заявлял, что тот не сумасшедший (какой спрос с идиота!), а изменник, который только и мечтает, чтобы дело государево загубить, а солдат, ему в подчинение даденных, в пустынях насмерть извести. При этом говорил Кожин с такой убежденностью, что впору было кричать: «Слово и дело!» – и заковывать уже в железо не его самого, а изменника-князя.

Одновременно Кожин слал и слал письма царю и Апраксину, в которых продолжал настойчиво писать, что выступить теперь в поход с Бековичем – значит погубить людей и задуманное дело, так как «время упоздано, в степях сильные жары и нет кормов конских; к тому же

хивинцы и бухарцы примут русских враждебно». О себе Кожин писал, что из-за последствий дурных распоряжений Бековича будет невозможно выполнить возложенное на него (Кожина) дело, он решился самовольно оставить экспедицию и будет пробираться в Индию сам, полагаясь только на себя и удачу.

Бекович тоже в долгу не оставался и продолжал строчить письма генеральному ревизору Конону Зотову о совершеннейшей непригодности Кожина к секретной миссии: «Хотя бы и послать его (Кожина. – *В.Ш.*)... воистину пакости наделал бы в чужой земле и не доехал бы до уреченного места». Писал Бекович, что Кожин постоянно «пакости великие делал в повреждении дел моих», но при этом не приводил конкретных примеров, кроме запутанной истории с отправкой подпоручика Давыдова через Астрабад в Бухару послом.

Даже сегодня, по прошествии трех веков, нелегко разобраться в нескончаемой письменной перепалке гвардейского капитана и флотского поручика, кто тогда из них был прав, а кто нет. Надо ли говорить, как от всего этого пухли головы в Петербурге и, читая нескончаемые доносительства, ни Петр I, ни Апраксин, ни другие начальники не могли ничего понять в астраханских хитроspлетениях.

* * *

Кстати, против Бековича интриговал не один Кожин. Флотского поручика всецело поддерживал влиятельный и мудрый хан Аюка. Калмыцкий вождь припомнил кабардинскому князю былые обиды. Его осведомители в азиатских ханствах и те дружно докладывали повелителю, что в Хиве и Бухаре не желают знаться с русскими, а коли те придут с войском – будут с ними драться. По этой причине Аюка отказался давать своих воинов для участия в походе. Надо отдать должное старому Аюке, он при всей своей нелюбви к Бековичу сам приехал в Астрахань, чтобы открыть глаза на реальную ситуацию в Закаспии.

– Я своих воинов тебе не дам, – заявил хан с порога.

– Почему нэ дашь! – взъярился Бекович. – Я буду жаловаться государю!

– Нынче в Хиве опасаются, что едет не посол, а войско, чтобы обманом и взять Хиву, – попытался разяснить свою позицию Аюка. – Посему хан готовит тебе ловушку, из которой ты уже не выберешься. Я же своим батырам отец и каждый из них мне, что сын родной и на смерть напрасную их не пошлю.

– Это злостная ложь! – топал ногами Бекович. – Намерения мои мирные, и, кроме дружбы, я ничего не желаю!

Аюка усмехнулся, отчего его узкие глаза стали совсем щелочками:

– А властитель Хивы говорит: «Если ты идешь с миром, то для чего города строишь на чужой земле?» Знай, князь, что в Хиве задумали недоброе и уже послали в Бухару и к каракалпакам людей, и во все свои города, чтобы были в готовности и лошадей кормили. А войско хивинское будет тебя на дороге дожидаться в самых безводных местах. Так что удачи тебе и прощай.

Вскочил Аюка на коня и умчался со своими батырами в заволжскую степь.

Между тем приготовления к экспедиции шли полным ходом. Летом 1716 года в Гурьев были перевезены два пехотных полка, там они и зазимовали. Теперь следовало подготовить казаков и обоз, чтобы уже с ними весной 1717 года выступить берегом на Гурьев, там объединиться с пехотой и уже вместе двинуться вдоль восточного берега Каспия, с опорой на построенные приморские крепости, напрямиком на Хиву.

Поэтому у Бековича дел хватало. Надо признать, что пришлось ему очень нелегко. Несмотря на все распоряжение об участии в походе, собрались далеко не все. Если донские казаки прибыли в полном комплекте, то яицких и гребенских было кот наплакал. Так как идти

в степь с лошадьми и простыми телегами было невозможно, пришлось закупать и пригонять верблюдов. После чего в отряде шутили: мол, едем в Хиву, как купцы египетские.

Во всем была нехватка. Особо плохо обстояло дело с обмундированием. В отчаянии Бекович писал генерал-адмиралу Апраксину: «Государь Мой Милостивый Патрон Федор Матвеевич!.. Прислан мундир на полк Коротояцкой вашей губернии от господина в вице-губернатора Колычева, только одни кафтаны, половина деланных, а другая половина сукнами, обинковые белые; на обуви, на чулки, на башмаки и на другое прислано деньгами, а купить в Астрахани обуви неспособно, понеже мало. Прошу вашего милосердия о жаловании полку, дабы было прислано. Уже и срок проходит, а коли без жалованья будут, вам известно, не без труда офицерам и солдатам, где они обретаются в Новой крепости, про них есть купеческие люди и имеют на продажу всякий харч».

Каждому солдату велено было дать по шубе, по двенадцать пудов рыбы, а также по ведру вина и уксуса. Так как это тащить на себе было невозможно, то на двух солдат выделялся верблюд. Казаки и драгуны получили выючных лошадей.

Для перевозки отряда к берегам Каспийского моря собрали все готовые суда, имевшиеся на тот момент в Астрахани, Казани и вообще в низовых волжских городах. Брали все от грозных скамповей до утлых лодок. Таким образом удалось собрать до полутора сотен судов и суденышек, но этого все равно было мало. Поэтому строили новые. Ну а так как судов все равно не хватало, решено было проводить перевозку войск и припасов в два, а то и три захода.

Подписывая бумаги, и обер-комендант Астрахани, и губернатор Казани хватались за голову. Финансовые издержки были просто фантастическими. Только за 1716–1717 годы потрачено было более ста восьмидесяти тысяч рублей, а всего же почти двести двадцать!

* * *

Что касается царя Петра I, то он все еще продолжал свой вояж по Европе. Весной 1717 года Петр посетил Париж, где встретился с семилетним королем Людовиком XV. Встреча была беспрецедентна: русский государь, к изумлению французской знати, решительно взял маленького монарха на руки и несколько раз поцеловал. Юный король при этом смеялся и болтал ножками, как подобает истинному правителю Франции и правнуку «короля-солнца». Прощаясь, Петр I пожелал Людовику XV успешного и славного царствования, добавив, что в будущем государи смогут оказывать друг другу взаимные услуги.

После этого любознательный русский царь осмотрел аптекарский дом, арсенал, королевскую библиотеку, Ботанический сад, Парижскую обсерваторию и, наконец, Академию наук.

Там Петр продемонстрировал «Карту Каспийского моря Бековича», сделанную и оформленную поручиком Кожиним, которая вызвала настоящий фурор среди французских академиков, причем не только темой карты, но и высочайшим уровнем ее исполнения.

– Если до сего дня мы считали вас своими учениками в картографии, то ныне вынуждены признать – ученики превзошли своих учителей! – торжественно провозгласил президент академии (обладатель первого кресла) Жан Д’Эстре. – Русский царь может по праву гордиться деяниями своих верноподданных, которых он смело посылает на подвиги.

В ответ Петр торжественно передал в собственность академии копию уникальной карты Каспия.

– Подарок русского царя имеет скрытый смысл! – сказал Жан Д’Эстре после окончания церемонии астроному де Мопертью.

– И в чем же этот смысл? – поправил астроном сползшие на нос очки.

– А в том, милый Пьер, что Россия расправляет плечи, осваивая и завоевывая огромные пространства на Востоке. Она стремительно превращается из окраинной Московии в центр мировой политики.

– Неужели все так серьезно? – удивился академик-астроном.

– Более чем, хотя Франция поймет это значительно позже!

На следующий день в парламенте французские академики торжественно преподнесли российскому монарху почетный диплом Парижской академии наук, а также ряд научных приборов.

На этот раз из Франции Петр увозил не только предметы искусства, книги и новые технологии. В ходе этого, второго, европейского турне он предстал перед Западом уже не как юный бомбардир Петр Михайлов, а как самодержец могущественной страны, стоящей на пороге преобразования в величайшую из империй.

Находясь в Париже, Петр I пригласил к себе известного французского географа Гильома Делиля, долго беседовал с ним о положении и пространстве своих владений. Чтобы дать географу полное представление о размерах Российской империи, он велел подать две карты, начертанные от руки. Гильом Делиль, описывая затем встречу с русским царем, указал, что Петр I объяснил ему, что предположение о существовании огромной пучины в Каспийском море ошибочно. Если такая пучина и существует, она может быть только в другом небольшом море протяжением пятнадцать миль (Карабогазский залив). Каспийское море изливается в него в восточной своей части, и о нем до сих пор не было ни малейшего представления.

Теперь достоверно известно, что речь шла о карте Каспийского моря, составленной участниками экспедиции Бековича-Черкасского. В то время других карт Каспия просто не было.

Беседуя с Делилем, царь показал, что он хорошо осведомлен относительно Кара-Бугаза. Такая осведомленность могла быть только после обстоятельной беседы с человеком, имеющим непосредственное отношение к изучению залива. Им был князь Бекович-Черкасский, только что вернувшийся из экспедиции на Каспий. Кстати, карта Бековича, которую царь показывал Делилю, долго считалась навсегда утраченной. К счастью, не так давно ее удалось отыскать среди множества рукописных географических карт библиотеки Академии наук СССР. Это навигационная карта довольно больших размеров – со средний стол. На плотной, пожелтевшей от времени бумаге изображены коричневой тушью Каспийское море и прибрежная полоса. Вдоль всего восточного побережья нанесены глубины и якорные стоянки. На этой же карте даны полные очертания Кара-Бугаза и его глубины. Удивительно и то, что съемка берегов залива была произведена с большой точностью. Очертания берегов на карте почти такие же, как у современного Кара-Бугаза. Разница, пожалуй, только в том, что на карте Бековича Кара-Богаз назван не заливом, а Карабогазским морем.

Все это подтверждает тот факт, что Бекович-Черкасский впервые отважился проникнуть в залив. К сожалению, результатами его исследований никто в дальнейшем не воспользовался. Одна из причин этого – трагическая судьба его экспедиции.

Глава шестая

Весь остаток 1716 года и зиму следующего, 1717 года Астрахань буквально кипела: всюду шли приготовления к будущему грандиозному предприятию – походу в закаспийские пески. По дорогам, ведущим в Астрахань, маршировали армейские батальоны, свозились припасы. В отряд был назначен стоявший в Казани пензенский пехотный полк. Из Воронежа по реке прибыл Крутойярский полк, кроме того, был взят и размещавшийся в самой Астрахани Руддеров полк, укомплектованный частично еще бывшими стрельцами.

В Казани из пленных шведов был составлен дивизион драгун под началом храброго майора Каспара Франкенберга. Любопытно, что пленные шведы являлись саксонцами, насильно взятыми Карлом XII на службу и фактически дезертировавшими от него из-за отсутствия зарплаты. По этой причине саксонцы с удовольствием записались в русские драгуны. Тем более что экспедиция намечалась не против шведов, а против совершенно незнакомых азиатов, до которых саксонским немцам не было никакого дела. Кроме того, построив своих драгун, майор Франкенберг заявил:

– Солдаты! Мы пойдем в страны сказочно богатые. Нас ждут реки с золотыми берегами, горы самоцветов и красавицы из ханских гаремов! Берите самые большие ранцы, чтобы вернуться богачами!

Саксонцы кричали: «Виват» – и кидали вверх треуголки. Что-что, а пограбить немцы любили во все времена.

Помимо здоровенных саксонцев в поход на Хиву Бекович отрядил две пехотные роты Руддерова полка с артиллерией под началом майора Пальчикова, пять сотен гребенских казаков под началом атамана Басманова и пятьсот ногайцев. В Гурьеве к отряду должны были присоединиться еще полторы тысячи яицких казаков во главе с атаманами Иваном Котельниковым, Зиновием Михайловым и Никитой Бородиным. Не забыл Бекович и о собственной свите. Какой же он царский посол, если без свиты! Величие и значение князя Бековича-Черкасского должны были олицетворять: крещеный перс князь Заманов, мурза Тевкелев, астраханский дворянин Киритов, младшие братья князя Сиюнч и Ак-Мирза.

Какими были отношения Бековича с младшими братьями, нам неизвестно. То, что младшие братья находились в зависимости и подчинении старшего, – это факт. Что и говорить, не у всех кавказских князей в то время кто-то состоял в любимцах самого русского царя! Но чтит ли младшие братья старшего искренне – это вопрос. Дело в том, что Бекович, в глазах всей Кабарды, изменил вере отцов ради карьеры да вдобавок к этому еще и женился на христианке, дочери русского влиятельного князя. Поэтому младшие братья, оставшись мусульманами, в душе не могли относиться к старшему по-прежнему. Придет время и свое истинное отношение к Бековичу младшие братья продемонстрируют публично.

Проводниками были присланный ханом Аюкой калмык Бакша и небезызвестный туркмен Ходжа Нефес.

В мае 1717 года Бекович получил весть от калмыцкого хана Аюки о том, что бухарцы, хивинцы, каракалпаки, кайсаки и балаки засыпали колодцы и собираются напасть на экспедицию в Хиву и на отряд, находившийся в Красных Водах. Это вполне согласовывалось с более ранним известием от посланных в Хиву Ивана Воронина и Алексея Святова, что они были приняты ханом нелюбезно, что хан обеспокоен постройкой крепостей и опасается, что русские, под видом посольства, могут напасть на Хиву. Все говорило против начала экспедиции весной 1717 года. Нужны были дальнейшие переговоры с хивинским ханом и более основательная подготовка, так как поход грозил обернуться настоящей большой войной. Это понимали практически все офицеры, но... не понимал Бекович. Раздосадованный Кожин, наплевав на все условности, уже прямо доносил царю, что князь намерен «изменнически предать русское

войско в руки варваров» и поэтому он (Кожин) не желает участвовать в этом погибельном предательском походе.

* * *

Уже перед самым выходом в поход отряда Бековича к Кожину прискакал калмык от хитрого хана Аюки с важными новостями, переданными послом Ачиксаеном-Кашкой. Почему Аюка послал гонца не к Бековичу, а к ничего не решавшему в той ситуации Кожину, было понятно. Хан затаил на Бековича великую обиду за то, что тот позапрошлым годом не выступил со своими войсками против напавшей на него кубанской орды и дал разграбить несколько улусов. Теперь Аюка Бековича не видел в упор.

Какие же тревожные новости привез поручику ханский посланец. Аюка писал: «Послал письма: ваши служилые люди едут в Хиву; нам здесь слышно, что хивинцы, бухарцы и каракалпаки собираются вместе и хотят на служилых людей идти боем». Про места, через которые должен был идти отряд, хан писал так: «Там воды нет и сена нет, государевым служилым людям как бы худо не было; для того чтобы я знал, а вам не сказал, и после на меня станут пенять. Извольте послать до Царского Величества нарочного посыльщика, а я с ним пошлю калмычанина...»

Из послания Аюки, так же как из докладов лазутчиков и писем гонцов, было совершенно очевидно – ни о каком переходе в русское подданство хивинского хана речи быть не может. Шергази желал говорить только на равных! Мало того, Шергази подозрителен и не намерен воспринимать вооруженный отряд Бековича как мирное посольство. Для привыкшего к набегам хана отряд Бековича являлся только войском, идущим в набег.

К чести Кожина он письмо Аюки не спрятал, а переправил Бековичу.

Отсидевшись в калмыцкой кибитке в волжских плавнях, Кожин варил на костре уху. Вместе с ним подпоручик Давыдов, оставшийся не у дел после срыва астрабадского посольства. Давыдов достал бутылку водки, Кожин разлил уху. Чокнулись, выпили по стакану, закусили обжигающей ушицей. Заговорили о делах скорбных.

– Известия из степи и из Хивы день ото дня все тревожней – назревает большая война. Князь же оглох и не желает воспринимать никаких разумных доводов! Почему?

– Ответ на сей вопрос прост – князь понял, что у Красных Вод никакого русла Аму нет и в помине. А потому будет всеми силами стараться дойти до Хивы, хоть всех солдат положив, чтобы утвердить там наше присутствие. Надеется Аннибал наш кабардинский, что сие покроет все его просчеты и оправдает перед царем!

Помолчали, ложками орудуя.

– Волга сегодня есть Рубикон римский, ежели ее сейчас не переходить, можно избежать и поражения неизбежного, – вздохнул Кожин, от ухи отвлекшись.

– Может, Бекович и не проиграет сей войны, все же вояка опытный! – разломил краюху хлеба Давыдов.

– Пройдет, как пить даст, проиграет. И сам погибнет, и людей погубит! – качал головой Кожин. – Вот я письмо Аюкино ему переслал в надежде, что должные выводы сделает и поход с большим отрядом на Хиву отменит, заменив малым посольством. Но знаю наперед, что и письмо не поможет, ибо без ума голова – пивной котел.

– Давай еще по одной! – разлил по стаканам водку Давыдов. – И все же за удачу!

– Ну, будем!

Выпили, крикнули, корочками ржаными занюхали и снова на уху налегли.

Подкрепившись водкой и ухой, Кожин прямо на облучке писал письмо, которое должно было спасти его доброе имя. Писал его генерал-адмиралу Апраксину, откровенно намекая, что знает в отношении Бековича «слово и дело»: «Милосердый Государь, мой отец Федор Матве-

евич. Доношу Вашему Высочеству, что в указе В. писано мне взять у капитана Черкасского Указ, который с ним послал Его Царского Величества, и оно мне не отдал, и путь мой со злом обращается, в который я не могу ехать прежде, не видя Его Величества, и Вашему Высочеству не донесши. Прежде же доношу и прошу, чтоб я в сем не погиб, что зело наша начинающая со злом. Первое то, что Хивинцы и Бухарцы узнали наши пути и собрались против войною. Через небрежение они узнали, что не посольство, но с войском, которое имели мы прошлого года, транспорт сделали и посадили в двух местах, где нет свежей воды, малым отменна от морской, и пески от моря потоплые, и вонь непомерная, где не можно никакому существу человеческому жить. И Г. Фон-Дер Вейде – полковник Коротояцкого полку, остался, и при нем от двух полных полков и других служителей здоровые в трехстах человеках, с небольшим, а в другие в два месяца к Богу пошли, а иные отходят в скорости, а в Тупкарагане и еще злее, так же Астрахань очищена, и купечество, что близь того, всех разогнали, а чего хотим искать ей не тайно, и нет ничего, чего ради прошу, чтоб я не оставлен Вашей отеческой милости, и от оных причин был бы я без опасности, а уже степной путь упоздан, и как господин князь Черкасский пойдет на Яик, о окрестных делах буду тотчас до Вашего Высочества донести, то ради иного написать невозможно о состоянии наших дел и о пути своем, как можно мне иметь проезд мой. Вашего Высочества покорный раб Александр Кожин».

Тем временем Бекович, получив предупреждающее послание Аюки, заявил:

– Сей подлый Аюка с Кожиным в сговор вошел. Хотят оба меня с Хивой рассорить, чтобы я свою слабость показал и поручения государева не исполнил. Не бывать такому!

При этом Бекович письмо Аюки в Петербург почему-то не переправил и о его существовании не известил. Почему? Может, решил более не затягивать время, а то пока опять переписка пойдет, еще один год будет потерян. А может, просто побоялся просить царя изменить изначальный план.

Зато отослал царю Петру письмо другое: «Поручик Кожин не явился мне как поехал из Астрахани, знатно бежал, не хотя ехать куда посылается; пред побегом своим подал мне письмо за своею рукою, будто за умалением денег, данных ему из сената, не едет в путь свой, а именно написал весьма не едет, того ради чтоб его уволнить до Вашего Величества. Как он подал такое письмо, из чего мог разуместь нехотение его в путь определенный, велел его к Вашему Величеству отвезть Преображенского полка солдату Яковлеву, который с письмами послан до Вашего Величества чтоб он не ушел в другие места. Как велел его везти переменялся и сказал ехать готов в посланное место, а ныне как я поехал из Астрахани не явился мне».

Обер-коменданту Чиркову Бекович велел беглого поручика Кожина изловить, заковать в железо и как дезертира и изменника под крепким караулом отвезти в Петербург пред государевы грозные очи.

Отменять поход Бекович, разумеется, не стал, а собранным офицерам сказал лаконично:

– Выпущенная стрела назад не возвращается.

Итак, жребий был брошен!

* * *

Отпраздновав Пасху, отслужили молебен в Успенском соборе. За день до отплытия флотилии из Астрахани в Гурьев случилась страшная беда. Жена Бековича с двумя дочерьми решила проводить любимого мужа хотя бы до Каспийского моря. Для этого семья перебрались на небольшое парусное судно. Но едва судно отошло от берега, налетел шквальный ветер и его перевернуло. Мария Борисовна с детьми пыталась выплыть, но их накрыло мокрым парусом, и, несмотря на то что до берега было рукой подать, жена князя и две его дочери утонули. Лишь маленького сына волны выбросили на берег, и его спасли рыбаки.

Выслушав страшное известие, Бекович молча развернулся, ушел в дом, запер дверь и не выходил оттуда несколько дней, отказываясь от воды и пищи. После этого пугающего затворничества с князем и стало твориться неладное. Немногие свидетели утверждали, что после перенесенного потрясения он подвинулся рассудком и временами вел себя как весьма странно. Бекович сменил преображенский мундир на восточный халат, выбрил голову на абрекский манер.

– Отныне я не князь Бекович-Черкасский, а Девлет-Гирей! – заявил он ошеломленным офицерам. – Так впредь меня и зовите.

– Кажется, действительно от горя умом тронулся, – переговаривались офицеры между собой. – Как же нам теперь в поход с сумасшедшим-то идти!

Вообще-то в данной ситуации следовало бы отстранить Бековича от руководства экспедицией. Но кто посмеет в Астрахани отстранить от власти умалишенного, когда этот умалишенный сам всему голова! Царь Петр же был далеко, да и время не ждало.

Задержав из-за произошедшей трагедии экспедицию на неделю, Бекович все же покинул Астрахань. Суда многочисленной флотилии взяли курс на Гурьев-городок, что в устье Урал-реки.

На 140 судах везли солдат и провизию с расчетом на год. Как обычно случается, предприятие заняло куда больше времени, чем предполагалось. Лишь к концу мая экспедиционный отряд полностью собрался в Гурьеве.

Глава седьмая

Городок Гурьевский – место заштатное. Сам городок расположен на западной, самарской, стороне Урала. Дома – сплошь саманные мазанки с камышовым плетнем. Из больших домов лишь церковь, приказная изба да пара купеческих лабазов. На восточном (бухарском) берегу реки – огороды овощные, сады и бахчи. Гурьевские казаки промышляют по большей части рыболовством, бьют тюленя. У каждого во дворе мачта с флагом для узнавания направления ветра. Рыбы в Гурьеве – возами не вывезешь. Полно и баранов, которых пригоняют киргизы. А вот хлеба нет, потому местные ездят на лодках-солмовках в Астрахань для его закупки. Гурьевские казаки себе на уме: табак не курят, считая его много раз проклятым, работников же киргизов считают погаными, а потому кормят из особой деревянной посуды.

Конница и караваны верблюдов добрались до Гурьева сухим путем за двенадцать дней, а сам Бекович прибыл на судах, груженных тяжелыми кладями и пехотой.

По прибытии в Гурьев Бекович провел смотр своим войскам, которые выстроились за околицей в степи.

Полковников в отряде не было, самыми старшими по чины были командиры первых батальонов – премьер-майоры. Во главе рот капитаны. Помимо них при каждой роте – поручик, подпоручик и прапорщик. Поручик помогал ротному командиру. Подпоручик помогал поручику, прапорщик же обязан был нести в бою ротное знамя. Кроме них в роте имелось по два сержанта, которым всегда было «очень много дела в роте». Главным отличием сержантов были их алебарды – изящные топоры на трёхаршинном древке. Кроме сержантов при каждой роте состояли подпрапорщик, каптенармус, заведовавший оружием и амуницией. Во главе плутонов состояли опытные капралы, назначаемые из опытных солдат. Вооружение солдат состояло из шпга с португезами и фузей с замками кремневыми. Фузеи весили немало – около 14 фунтов. В случае штыкового боя к ним крепились восьмивершковые трехгранные штыки. Патроны помещались в кожаных сумках, прикрепленных к перевязи, к которой привязывалась еще и роговая натруска с порохом. Каптенармусы и сержанты вместо фузей были вооружены алебардами – изящными топорами на трехаршинном древке.

Среди фузилерных рот в отряде имелась и одна гренадерская, укомплектованная самыми здоровыми солдатами, которые могли свои фитильные бомбочки забрасывать далеко во вражеские порядки.

И фузилеры, и гренадеры все, как один, были стрижены «под горшок», все в просторных зеленых кафтанах с широкими красными обшлагами. Под кафтанами красные камзолы и красные штаны, на ногах такие же красные чулки с башмаками, а на головах черные треуголки. Следует сказать, что среди солдат Руддерова полка было немало бывших стрелцов, замешанных в не столь давнем астраханском бунте, но прощенных воеводой Шереметевым.

Драгуны-саксонцы были на смотре в конном строю в своих синих форменных мундирах. Для пешего боя они вооружены укороченными фузеями, а для конного – палашами и пистолетами. Офицеры-саксонцы драгунского эскадрона демонстративно повесили на грудь свои старые, еще шведские, офицерские знаки – горжеты, правда со спиленными вензелями Карла XII. Но на этот своеобразный драгунский шик можно было и закрыть глаза.

Из Гурьева Бекович послал к Аюке дворянина Мартьянова с повторной просьбой прислать калмыцкую конницу на подмогу. На это хитрый хан ответил лаконично:

– Я не имею на то царского приказа!

И людей не послал.

Впрочем, он отправил в распоряжение князя своего человека Бакшу, а с ним десять калмыков и туркмен-проводников, которые должны были следовать в отряде Бековича в качестве особого посольства к хивинскому хану. Чуть позднее от Аюки пришло и второе письмо, в кото-

ром хан предупреждал: «Из Хивы приехали посланцы мои и сказывали, что бухарцы, хивинцы, каракалпаки, кайсаки, балки соединились и заставами стоят по местам. Колодцы в степи засыпаны ими. Все это от того, что от туркменцев им была ведомость о походе войск и хотят они идти к Красным Водам. Ваши посланцы в Хиве не в чести, об оном уведомил меня посланец мой». Прочитал Бекович письмо, в сундук с документами спрятал и никому ничего не сказал.

На Аюку Бекович был очень зол. Несмотря на все его усилия привлечь хана к походу, из этой затеи ничего не вышло. А ведь участие знающих закаспийские степи калмыков было бы огромным подспорьем в затеваемом мероприятии! Но приказать Аюке Бекович не мог. Что касается Аюки, то тот предпочел в неотвратимом столкновении Петербурга и Хивы остаться в стороне, сохранив отношения с обоими. Рассуждал Аюка просто: сегодня русские идут на Хиву, а завтра вернуться обратно. Ему же и сегодня и завтра жить бок о бок с Хивой, так зачем же превращать мирного соседа в непримиримого врага?

В Гурьеве начали роптать терские казаки, которым не улыбалось идти неведомо куда. Делать нечего, пришлось Бековичу объявить, что он возвращает по домам малолетних и многодетных. Таковых набралось до пяти сотен. Остальные примолкли и остались. Под Гурьевом войско простояло около месяца, и на Хиву выступили на седьмой неделе после Пасхи, в начале июля, в самый разгар жары, когда, казалось, никакое движение по степи невозможно.

Минуя большую караванную дорогу, отряд направился к реке Эмбе.

В поход выступили три тысячи семьсот солдат, драгунский дивизион в шесть сотен саксонцев, пятнадцать сотен яицких казаков атаманов Ивана Котельникова, Зиновия Михайлова и Никиты Бородина, пять сотен гребенских казаков атамана Басманова. Кроме того, в обозе шли 26 инженеров, три десятка моряков, лекари, несколько чиновников и бухарских торговцев, мелких астраханских торговцев-алтынников, а также с дюжину волонтеров-дворян, увязавшихся в поход по разным причинам. Семь пушек тащили верблюдами.

В качестве личной охраны Бековича – два его младших брата с двадцатью черкесскими узденями. Проводниками взяли туркмен и калмыков хана Аюки. Главный вожатый – Манглай-Кашка, посланный Аюки-ханом.

Из числа известных лиц при отряде находились: князь Заманов, астраханский дворянин Киритов, майоры Франкенберг и Пальчиков, братья князя Бековича: Сиюнч и Ак-Мирзу, посланный от калмыцкого хана Аюки калмык Бакша и туркменец Ходжа Нефес. Едва отряд перешел на бухарскую сторону Урала и немного отдалился в степь, как произошла первая стычка с каракалпаками, которые напали на казачьих табунщиков и захватили шестьдесят пленных, среди которых оказался и Ходжа Нефес. Вслед каракалпакам бросилась конная погоня, которую возглавил сам Бекович. После долгого преследования налетчиков настигли, отбили у них табуны и полон, при этом нескольких каракалпаков пленили. При всей незначительности события его успех приободрил и солдат, и казаков. Дневков до Эмбы Бекович не делал, лишь останавливался на ночлег у степных речек, а потому до Эмбы добрались за восемь дней, совершая усиленные марши по тридцать семь верст в сутки, таким образом проделав около трехсот верст. Это весной Эмба многоводна, а летом распадается на цепь озер со стоячей грязной водой. И все же это была вода! На Эмбе разбили лагерь и отдыхали пару дней.

На Эмбе Бековича настигла царская эстафета. Гонец передал повеление о немедленной посылке через Персию в Индию «надежного человека, знакомого с туземным языком, для разведок о способах торговли и добывания золота». После недолгих раздумий Бекович отправил мурзу – майора Тевкелева, состоявшего в его свите. Забегая вперед, скажем, что, как и предполагал Кожин, астрабадский хан встретил российского посланника не слишком вежливо и без долгих разговоров посадил его в зендан. Пройдут долгие годы, пока наконец благодаря посредничеству российского посла при персидском дворе Артемия Вольнского несчастный Тевкелев будет освобожден. Так что, запретив год назад своему младшему товарищу поручику Давыдову ехать в Астрабад, Кожин фактически его спас...

Речку Эмбу форсировали частью на плотках, частью вброд, затратив на переправу отряда и грузов два дня. Но вот скрылась из глаз и Эмба. Дальше начиналось самое тяжелое – обширная пустынная Тургайская степь, раскинувшаяся более чем на 500 верст между восточным побережьем Каспийского моря и Хивой.

* * *

Небывалый в истории российской армии поход начался!

Шли быстрым маршем и через два дня достигли урочища Богачат, к которому выходила Большая Хивинская караванная дорога. Отсюда пошли от колодца к колодцу: на Дучкан, потом Мансулмас и, наконец, на Чилдан.

На переходе через безлюдные степи отряд питался вяленным мясом и казенными сухарями. На дневках варили кашу. Изредка удавалось поохотиться на сайгаков, ловили и тушканчиков. Впрочем, даже десятком набитых антилоп разве насытишь тысячи голодных желудков! В походе, согласно петровскому уставу, ежедневно солдатом потреблялось 800 граммов ржаного хлеба, столько же говядины или баранины, две чарки (утром и вечером) вина или водки да гарнец пива, а также крупа и соль. Но это в уставе, а где все это взять посреди выжженной степи?

К моменту начала похода буйная растительность давно выгорела и степь окрасилась в унылые бурые тона. Выжженная степь была безжизненна. Только иногда вдалеке мелькнет лисица, да шумно махнет крыльями зазевавшаяся дрофа...

В степных колодцах воды на большое количество людей и животных не хватало, и, придя на новое место, солдаты в первую очередь рыли сотню и более колодцев в рост человека.

Под палящим солнцем, страдая от жажды и болезней, отряд упорно продвигался вперед. Вскоре люди стали падать, потом умирать от солнечных ударов. Особо тяжело переносили жару саксонцы, кляня на чем свет стоит и короля Карла с царем Петром, своего майора Франкенберга и, конечно же, диковатого кабардинского князя.

Саксонцы были воинами опытными. Большинство из них успело повоевать и за поляков, и за шведов. Безусловно, это была отборная кавалерия. Но в данном походе от них, как от кавалерии, толку было немного, куда лучше драгун справлялись в дозорах и при преследовании разных шаек казаки. Поэтому Бекович числил драгунский эскадрон как пехоту, которая, в отличие от обычной, не тащила по пескам на своих двоих, а ехала верхом. Отдельно следовала походная аптека в несколько повозок, на которых восседали лекарские ученики вместе с двумя докторами. Пока у них работы было немного: рвали болезным зубы, ставили страждущим дымовые клизмы да приводили в чувство получивших солнечные удары.

У колодца Чилдан, на половине пути, сбежал присланный ханом Аюкой караван-баши Манглай-Кашка с десятью другими калмыками. Но поспешил он не обратно к своему хану, а в Хиву с важным известием о приближении русских. Несколько калмыков помчались обратно к Аюке-хану с рассказом о положении в войске Бековича. Впоследствии Аюка оправдывался, что Манглай-Кашка поехал в Хиву самовольно, а о трудностях, переносимых Бековичем в степи, рассказанных ему калмыками-дезертирами, он сразу же известил российские власти. На самом деле предательство Манглай-Кашки было изощренной мстью Аюки-хана лично Бековичу, отказавшемуся поддержать его в позапрошлом году в противостоянии с кубанским ханом.

Впрочем, получив изветие о трудностях Бековича, Аюка-хан сразу же известил об этом казанского губернатора. Вообще Аюка старался угодить всем. Он предупреждал русских о реальной опасности со стороны Хивы, одновременно предупреждая Хиву об опасности со стороны русских. Таким образом, Аюка обезопасил себе в весьма непростой для него ситуации.

Что и говорить, Восток – дело действительно тонкое! Сегодня действия Аюки дипломатично назвали бы многовекторной политикой. . .

После бегства Манглай-Кашки караван-баши стал Ходжа Нефес, который повел отряд дальше на юг через колодцы Сан, Косешгозе, Белявили, Дурали.

После каждого привала капралы кричали с азартом: «Ботинки переменить!». По этой команде все переодевали ботинки с одной ноги. Этого требовал воинский устав, чтобы те равномерно снашивались

Постепенно выжженную степь сменила настоящая пустыня, по которой идти было намного труднее. Значительно меньше стало и колодцев. Даже убогий уродливый саксаул попался все реже и реже. Только в стоне ветра, поднимавшего тучи песка, чудилась нескончаемая мольба: «Воды! Воды!» Порой вдалеке возникали таинственные миражи – горы, деревья и целые оазисы. . .

Изменился даже песок. Если вначале он был грязно-желтым, то теперь приобрел зловещий красный цвет. Это пугало и солдат, и казаков, которые считали, что песок покраснел от пролитой в него крови. Все чаще стали попадаться черепа, по большей части лошадиные и верблюжьи, но встречались и человеческие.

– Это край сыпучих песков и отрубленных голов! – подтвердили проводники, рассказывая, как Железный Хромец Тамерлан, сложил в здешних песках башню из семидесяти тысяч отрубленных голов.

Солдаты понемногу научились передвигаться особым пустынным шагом, который был короче обычного, при этом нога ставилась на всю ступню, не разгибая полностью колена. Так достигалась экономия сил, а кроме того, ноги меньше вязли в песке. Страдая от жажды, и офицеры и солдаты клали в рот свинцовые пули, так было легче бороться с жаждой, кое-кто жевал кору саксаула. Не обошлось и без жертв от змей и скорпионов – несколько солдат умерли от укусов.

Даже небольшой ветерок поднимает в воздух мириады песчинок – песок попадает в глаза, уши, скрипит на зубах. Полностью избежать этого не представляется возможным, как бы ты ни укрывался. Слава богу, порой на пути попадались глинистые солончаки и такыры, по которым можно было передвигаться, не утопая по щиколотку в песке.

Наконец дошли до Устюртской возвышенности, именуемой Иркендскими горами, и колодца Яргысу. Здесь заканчивалась степь и начиналась пустыня. Отсюда до владений хивинского хана оставалось восемь дней пути. Бекович объявил дневку.

Вечером, когда жара спала, собрал совет из офицеров. Думали, как идти дальше. Было решено было пойти на хитрость. В Хиву налегке послали астраханского дворянина Киритова с сотней казаков. Киритов должен был доставить хану Шергази письмо, что к нему идет посол русского царя с охраной. Делегация добралась до Хивы без всяких приключения. Хан подарки принял, после чего велел выдать посланцам «белого царя» кормовые деньги. Это означало, что их встретили как друзей. Такое отношение давало надежду на возможность мирных переговоров.

Тем временем у колодца Яргызу Бековичу пришлось оставить до тысячи казаков с усталыми лошадьми, а на половине дороги бросить много провианта из-за массового падежа выючных лошадей. Кроме этого надо было собрать отставших, которые все еще подходили. В высоком обжигающем небе в ожидании падали неотступно кружили степные орлы и хищные каюки.

Не обошлось и без разбойников. Неистовые туркмены-йомуды на протяжении веков держат прикаспийские степи и пустыни в страхе. Туркмены живут по собственным кочевым законам. Старых и грудных детей туркмены никогда в плен не берут, а убивают на месте, так как с ними много мороки. Детей постарше уже не убивают, ведь из девочек получатся наложницы, а из мальчиков рабы. Не берут в плен дервишей и ишанов как лиц, близко стоящих к богу, так как за насилия, учиненные над ними, аламанщиков часто постигает кара небесная. Дервишей

и шаманов отпускают на все четыре стороны. Зато женщин в плен берут всегда охотно, делая их своими наложницами. Детей, прижитых от таких наложниц, с выгодой продают в Хиву и в Бухару. Взрослых же мужчин берут в плен только в том случае, если за них можно получить выкуп. Все установлено четко и однозначно, никакого милосердия и сострадания: в какую категорию попал – таковой будет и твоя судьба. Что ж, Восток всегда был предельно циничен и жесток.

Вот и теперь конные туркмены постоянно кружили вокруг растянувшегося обоза, выбирая момент, чтобы скопом накинуться на отставшую повозку или солдата. Особенно докучали туркмены следовавшим в самом хвосте колонны купцам с их скарбом. И на самом деле что может быть более лакомым, чем купеческая повозка, набитая товарами! Пришлось посылать в хвост солдат, чтобы те прикрывали купцов от полного разорения.

Из воспоминаний гребенского казака Демушкина: «До Амударьи киргизы и туркмены сделали на нас два больших нападения, да и мы их оба раза, как мякину, по степи развеяли. Яицкие казаки даже дивовались, как мы супротив их длинных киргизских пик в шашки ходили. А мы как поднажмем поганых халатников, да погоним по-кабардинскому, так они и пики свои по полю разбросают; подберем мы эти шесты оберемками, да и после на дрова рубим и кашу варим...»

Трудности похода буквально изматывали людей. Первыми начали роптать казаки, как люди более вольные и свободолюбивые. Но и особо не кричали, понимая, что царскую волю переменить не может никто, даже князь.

Но без дезертиров не обошлось. Солдаты не убегали. Куда ты в пустыне пешком побежишь, разве что до ближайшего туркмена, который тебе, на всем скаку, голову и снесет! Убегали казаки. Больше всего удрало яицких (больше трех десятков), за что Бекович долго кричал на их атаманов.

Немного отдохнув в Яргызу, Бекович двинулся далее ускоренным маршем к Хиве. С невероятным трудом и большими потерями в людях, лошадях и верблюдах, но пустыню все же одолели за два с лишним месяца непрерывного движения. Впервые русская армия вторглась столь далеко в среднеазиатскую пустыню. Уже само по себе это было настоящим подвигом. Но поход, по существу, только начался, и что ждет впереди, не знал еще никто.

Преодолевая пустыню, не раз пришлось пережить песчаные бури. О ее приближении говорила внезапно наступившая неподвижность воздуха, сопровождающаяся сильной духотой и пением песка. Затем на горизонте появлялось быстро увеличивающееся в размерах бурое облако.

Проводники сразу же начинали кричать и махать руками:

– Буря! Буря! Буря!

Отряд немедленно останавливался, казаки начинали укрывать лошадей, погонщики – верблюдов. В воздухе, вместе с песком, летали кусты саксаула и верблюжьей колючки, вырванной с корнем. Солнце почти не проглядывало сквозь мощнейшую завесу из песка и пыли, так что не было видно вытянутой руки. Нос, рот и глаза – все было забито песком, сколько не береглись. Каждый искал место, чтобы спрятаться с наветренной стороны барханов, забирались под бок к верблюдам и лошадям, старались успеть плотно завернуться в епанчу и закрыть лицо шейным платком.

– Пустыня не хочет впускать к себе чужаков! – качали головами калмыки-проводники.

– Это все так, но обратной дороги у нас уже нет! – отвечали наши.

По мере продвижения на юг жара усилилась до такой степени, что солдаты даже в камзолах начали десятками падать в обмороки, и чем дальше, тем больше. Старослужащие первыми на дневных переходах начали скидывать и камзолы, оставаясь в льняных пестрядинных портках и рубахах. Бекович несколько дней сие непотребство запрещал, устраивая прилюдные порки нарушителям, но ничего не помогало. Жара победила шпиритутены. Не вынес сего испы-

тания и сам Беркович, который вскоре уже ехал только в одетом на голое тело халате. Остальные офицеры просто делали вид, что не замечают вопиющих нарушений строевого устава. В данном случае выжженная степь уже диктовала свои правила.

Спасшийся из плена казак Федор Емельянов впоследствии рассказывал, что «провианту побросано и отсталых лошадей дорогою покинуто многое число... за дальностью и за недовольствием кормов лошади многие пристали».

Что касается казаков, то они, едва припекло, скидывали с себя все верхнюю одежду, оставшись в исподнем первыми, со своими атаманами.

Только пунктуальный командир драгунского полка майор Франкенберг старался быть по всей форме – в сапогах с раструбами и в перчатках. Только после солнечного удара, от которого едва отошел, саксонец снял... перчатки. Драгуны Франкенберга, тяжело страдая, но соблюдая дисциплину, продолжали ехать в потных камзолах.

* * *

Во время пребывания отряда на урочище Аккуль в ста двадцати верстах от Амударьи сделали еще один большой привал, дожидаясь оставленных у Яргызу казаков.

У Аккуля русских уже ждали два узбека, с которыми был и казак, посланный ранее с Киритовым, – ответное посольство хана. Из соображений осторожности узбекам сказали, что князь Черкасский с основными силами идет следом, и заставили их два дня дожидаться, пока от колодца Яргызу не подошли остававшиеся казаки. Со своими посланцами хан Шергази прислал князю подарки: кафтан, коня, овощи и шербет. Бекович заверил послов хана, что идет в Хиву не войной, а как посол своего государя, а о цели посольства объявит при личной встрече с ханом.

Тем временем в Хиву прискакал и был немедленно принят Шергази изменник Манглай-Кашка, рассказавший, что у русских в отношении хана самые коварные замыслы. Шергази немедленно велел бросить астраханского дворянина Киритова в темницу, а его казаков разоружить и заковать в железо. Одновременно хивинский хан объявил о сборе войска.

Впрочем, лазутчики у хивинского хана имелись и помимо батыров Аюки, в том числе даже в Астрахани. Практически одновременно с прибытием Шергази получил оттуда короткую записку, где арабской вязью было нацарапано: «Белый царь указал на Хиву и приказал кормить коней». И теперь у хана отпали последние сомнения.

Тем временем в урочище Аккуль после недолгих переговоров узбеки поспешили обратно в Хиву. Следом за ними двинулся маршем весь отряд. Бекович приказал идти как можно быстрее.

– Пусть хивинцы думают, что мы находимся все еще в нескольких днях пути от их границ. А мы уже дышим им в спины! – так объявил он офицерам причину своего приказа.

Наконец передовой казачий дозор во главе с гребенским атаманом Басмановым, посланный далеко вперед, чтобы найти колодцы, неожиданно показался на вершине бархан.

Видя скачущих обратно казаков, все заволновались: уж не хивинское войско ждет его за песчаными холмами?

– Ваше высокородие! – еще издали прокричал Басманов. – Пустыня закончилась! Впереди Хорезмский оазис! Ура!

Радостная весть мигом облетела марширующие роты. Все обнимались и кричали «ура». Ударили барабаны, и отряд двинулся вперед так, как будто и не было сотен изнуряющих верст. Все понимали, что оазис – это и вода, и долгожданный отдых.

В день Успения Пресвятой Богородицы 15 августа отряд Бековича дошел до озер Амударьи.

– Урочище Карагач! – объявили проводники.

– Хорошо, что к речке подойти успели! – радовались солдаты и казаки. – Рядом с водой можно хоть год от басурман отбиваться!

– Благодать! Чисто райское место! – смеялись солдаты и казаки. Главное, что воды было действительно вдосталь. Вначале напились сами, потом напоили лошадей и верблюдов. То там, то здесь запылали костры, солдаты начали артельно варить кулеши.

Не теряя времени, Бекович приказал разбить лагерь на берегу ближайшего озера. С остальных трех сторон быстро окопались, возведя ров и вал, на котором выставили все семь пушек.

Бекович озабоченно осматривал и озера, и саму Амударью. Радость достижения реки разом сменилось унынием. Ведь именно у урочища Карагач должна была находиться легендарная плотина, повернувшая русло Амударьи. Но никакой плотины не было, а значит, река своего течения не меняла. Бывшие при отряде инженеры сразу же бросились изучать речной песок, и вскоре Бекович услышал еще одну безрадостную весть – река золотой руды не имеет.

Дальше укрепления было решено пока не двигаться, а ждать известий от Киритова.

Увы, никто не знал, что предательство уже произошло и вся затея Бековича выдать себя за мирного посла пошла прахом.

В урочище Карагач, по плану, составленному Петром, Бековичу надлежало построить очередную крепость. От Карагача до Хивы всего каких-то шесть дней пути. Тогда всем казалось, что главные трудности уже позади.

К этому времени отряд прошел 1400 верст по бесплодным и безводным степям, причем в самую жару!

Наконец-то люди, лошади и верблюды смогли напиться не пустынной соленой, а настоящему чистой воды и прийти в себя. Но время не ждало, и, отдышавшись, солдаты с казаками взяли в руки заступы, начав сооружать укрепленный лагерь.

Работали утром, вечером и ночью, а в самую жару спали под охраной караулов. За час до рассвета – смена караулов. У часовых приказ строгий – никого ни в какую сторону не пропускать и за возможным появлением неприятеля наблюдать. При этом если суточные лозунги известны всем солдатам и казакам отряда, то пароли знали только офицеры.

Спустя некоторое время вдалеке уже замаячили всадники. Пока их было немного, но с каждым часом число увеличивалось. Было понятно, что это джигиты Шергази.

* * *

Облик Хивинского ханства тех времен был откровенно печален. Основу экономики ханства составляли сельское хозяйство в Хорезмском оазисе и разбойничьи набеги на Бухару и Персию, откуда вывозились ценные вещи, рабы и богатые пленники за выкуп. Но удача в набегах сопутствовала далеко не всегда. Что касается земледелия, то каждый клочок земли приходилось отвоевывать у пустыни. Помимо этого, Шергази сгонял людей на строительстве каналов и на постройку дворцов и крепостей. Однако воевали хивинцы неплохо, и окружающие ханства их побаивались.

Шергази-хан происходил из династии Шибанидов, являлся потомком свирепого Султан Гази-хана, старшего сына грозного Ильбарс-хана. Имя хивинского хана означало «тигр борьбы за веру». Среди прочих ханов Шергази считался образованным, так как окончил медресе в Бухаре. За это Шергази получил весьма лестный титул сахибкирана, то есть обладателя счастливого сочетания звезд. Этим титулом Шергази гордился особо, так как некогда так величали самого Тамерлана.

Впрочем, у Шергази были и другие причины для гордости, ведь его ханство являлось по силе первым среди прочих во всей Средней Азии. Шергази уже не на шутку задумался, как бы прибрать к рукам соседний Мерв.

Шергази был не столь богат, чтобы оформлять внешние стены больших зданий так, как это делали в Бухаре и Самарканде, но на украшение своего дворца и гарема деньги все же находил, а то какой же он властитель без того и другого?

Хивинские ханы всегда славились воинственностью. В 1689 и 1694 годах хан Ануш-Мухаммед дважды успешно нападал на бухарцев. А всего год назад, в 1716-м, и его наследник Шергази совершил удачный поход на Хорасан, взяв Мешхед и значительную добычу. С той поры за Шергази укрепилась слава удачливого воителя. Так ему ли теперь смиренно склонять голову перед немногочисленными гяурами, нагло вторгшимися в его владения?

Предательство Манглая-Кашки, донесение собственных лазутчиков не оставляли у хана сомнений в том, что к Хиве движется вовсе не мирное посольство, а изготовленное к нападению войско. Последней каплей, перевесившей чашу войны на весах размышлений хана, стало известие о строительстве русскими крепости в Карагаче. На самом деле какой ты посол, если строишь крепости на чужой земле?

Надо отдать должное Шергази, свое огромное войско он собрал в считаную неделю. Сколько именно воинов поставил под свои знамена Шергази, неизвестно. Историки считают, от шести тысяч до двадцати пяти. Наверное, истина, как обычно, находится где-то посередине. Среди прибывших по зову хана были каракалпаки и киргиз-кайсаки, узбеки, туркмены и иные прочие. Собранное конное ополчение было вооружено копьями, луками и саблями. Лучше всех была вооружена, разумеется, ханская гвардия. У каждого гвардейца имелись острая хорасанская сабля, копьё и мощный лук с роговыми накладками. Сами всадники-гвардейцы были в булатных панцирях и островерхих шлемах. Каждый – истинный батыр, проверенный во многих сражениях. Были у хана и воины, вооруженные пищалями, а вот пушек не было – военный прогресс еще не добрался до среднеазиатских песков. Однако, несмотря на это, войско Шергази-хана представляло собой внушительную военную силу, способную к серьезной схватке с неверными.

Глава восьмая

Когда работы по укреплению лагеря близились к завершению, к Бековичу прибыла делегация казаков.

– Ваше высокородие! – обратились они к нему. – Желаем отправиться порыбачить. Киргизы говорят, в здешних озерах полным-полно рыбы. Наловим столько, что на всех хватит. По ушице уж очень уже соскучились.

Подумав, Бекович рыбалку разрешил. Кто знает, сколько здесь еще стоять, а припасы продуктов не безграничны, потому рыба будет весьма кстати.

Казаки выделили шестьдесят самых опытных рыбаков, которые и отправились из лагеря к соседним озерам. Но едва казаки отъехали от лагеря, как внезапно были атакованы передовыми отрядом хивинцев. Прежде чем они успели что-то понять, все шестьдесят рыбаков были пленены. Только один гребенский казак, отставший от остальных по нужде, сумел уйти от погони и примчаться в лагерь, сообщив, что хивинцы идут с огромным войском и уже совсем близко.

Барабаны немедленно ударили тревожный «алаярм». Солдаты быстро построились в батальонные порядки. На фланге каждой фузилерной роты по два барабанщика и гобоисту. По команде зарядили фузеи, примкнули штыки. Перед ротами расхаживали офицеры со шпагами в руках и с заряженными пистолетами в кобурах-ольстрах. Казаки, уведя лошадей в середину лагеря, расположились по периметру, заряжая ружья и готовясь к рукопашной схватке. Капте-нармусы заняли место у патронных повозок. Когда у стреляющих подойдут к концу патроны в лядунках, к ним прибегут посыльные из плутонгов, которым они станут выдавать патроны и пули. Подпрапорщики, отвечавшие за ротные знамена в походе, передали их прапорщикам, которым по уставу положено носить боевые хоругви в бою.

В центре лагеря собралась тыловая братия: полковые фискалы, аудиторы, цалмейстеры-казначей, провиантмейстеры, профосы и обозные. В бою их задача одна – не высываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.